

Мартиша Риш

Своей Судьбы
хозяйка

Мартиша Риш

Своей судьбы хозяйка

«Литнет»

2024

Риш М.

Своей судьбы хозяйка / М. Риш — «Литнет», 2024

Я попала и не поняла этого! Приняла за сон новый мир и ни о чем не жалею. Объятия генерала, волшебная ночь, мерцающий свет небольшой таверны, его клятва на прощание. И перстень. Наутро именно здесь меня нашел мой отец. Свадьба с другим назначена на полдень. Жрец объявил о том, что невеста порчена. Презрительный взгляд жениха. Гнев отца, безутешные слезы матери. Чье же место я заняла? Кто она, леди Моник, и какая в ней сосредоточена сила? Венчание все же состоялось. Правда, муж сослал меня в Серединные земли. Старое поместье, обветшалые стены, волшебное зеркало, клады в стенах. Ночные гости и множество волшебных знакомств. Кто приедет за мной сюда первым? Мой муж? Тот генерал? Если здесь они встретятся оба? Или прибудет кто-то другой, неизвестный? Мне и самой по себе хорошо. #магия #сложные_отношения #веселая_ведьма #любовный_треугольник #главная_героиня_истории_женщина #богатый и властный герой #попаданка #хэппиэнд

© Риш М., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 8	19
Глава 7	21
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Уютное мерцание свечей одной небольшой таверны. Тяжёлые столы спрятаны под алыми скатертями. Оконца махонькие, за ними тьма непроглядная и редкое мерцание огней проезжающих мимо экипажей. Гула машин совершенно не слышно.

Скорее всего я уснула прямо в обеденный перерыв за столом. Отлучилась в кафе за углом, и вот что получилось. Иначе как объяснить что мебель вдруг так изменилась? Да и лампы. Их свет перестал быть дневным. И посуда раньше была просто белой, некрасивой. А теперь передо мной на столе стоят разноцветные яркие миски. Тарелки и вовсе сделаны из латуни. На них по краю выбит узор. Кто-то неизвестный сражается прямо по краю моей запеканки со змеем. Симпатично. Запомнить этот рисунок было бы здорово, обычно после сна я все забываю. А так, проснусь, сразу же зарисую по памяти. И потом закажу себе у мастеров что-то подобное, только из глины. Я дизайнер, мне знакомые ребята всегда готовы помочь.

Подняла глаза от тарелки и наткнулась на кошелек. Тугой мешочек из замши перевязан вышитой тесемкой. Не знаю, почему я решила, что это именно кошелек, мешок и мешок. Потянулась к нему рукой. Странно, она во сне у меня стала совершенно другой. Намного тоньше и моложе, что ли? Такие пальчики бывают только в семнадцать лет. Мягкие, гладкие, совсем белые. На каждом тяжёлое кольцо в завитушках и с камушком. Одно колечко, похоже, должно открываться. Рядом с камушком есть крохотные петельки. В Средневековье в таких перстнях хранили яд, чтобы при случае травить врагов или мужей. Я бы не отказалась отравить бывшего мужа. Может, не до конца, а так, чтоб помучился нервным расстройством. Много он крови у меня выпил, и брак все ещё не расторгли.
Попыталась поддеть ногтем замочек, не вышло, ну и лално. Здесь и без кольца есть на что посмотреть, сон потрясающий. И рукав моей одежды другой. Интересно, как я сейчас выгляжу?

Подняла со скатерти ложку. Черенок у нее темный, сделан в форме стебелька в мелких кругляшках бутонов, зато сам черпак гладкий, похоже, серебряный. Протёрла гладкую поверхность салфеткой и посмотрелась в нее как в зеркало. Отражение мутное, толком ничего не видно. Но по ту сторону импровизированного зеркальца в выгнутой ложке точно не я, а очень юная бледная девушка. Светлые волосы, голубые глаза, нежный румянец, ямочки на щеках, пухлые губы. Наивный бутон. Красотка! И за этими юными чертами лица скрываюсь я, взрослая, смелая, немного даже наглая. Что ж, это большая удача, иметь такую внешность и мой жизненный опыт. За соседним столиком раздался густой басовитый смешок. Вздёрнула бровь, повернула голову в ту сторону и чуть улыбнулась. Сражен?

За столом сидит высокий мужчина в ярком мундире, подобные раньше встречались у гусар. Эполеты с бахромой на плечах, блестящие, почти золотые, медные пуговицы, верёвочки на груди, спереди и вовсе какая-то лента. Головной убор небрежно лежит на столе, он тоже яркий и даже с пером. Смоляные черные волосы, короткая щетина. Глаза лукавого дьявола. Карие. Веселые искорки блестят на дне зрачков. Осанка и стать генерала той самой эпохи, когда они ещё сражались верхом, мне даже послышалось тихое ржание лошади со двора. И сердце замерло от тоски по несбыточному. Вот бы окунутся в этот вихрь страстей и любви всего лишь на один час.

Влюбиться, получить первый поцелуй, признание в чувствах, цветок в знак любви, чтобы потом его засушить и хранить до конца своей жизни. Ночь, полную страсти, и в тумане рассвета попрощаться с ним навсегда. Проводить на войну под тревожно бравурную песню медного горна. Ни свадьбы не нужно, ни всего остального. Один только миг. Второй раз вляпаться в брак, даже только представить это, я не готова.
Слишком яркий мужчина, чтобы быть просто сном. А может быть, вокруг все реально? Нет, конечно же, нет. На ладони брүнета появляется яркая птица, горящий феникс. Гости таверны ахают. Птица срывается с пальцев,

закладывает круг над моим столом. Одно единственное пёрышко, полыхая, падает в мою чашку.
Мужчина смотрит вопросительно, ждёт. Киваю в благодарность. Нет, этого мало. Он хорош, чертовски хорош. И перо такое красивое.
Лёгкий воздушный поцелуй так невинен и совсем ничего не значит. Генерал густо краснеет, не ждал. Беззаботно смеюсь. Так тебе и надо, красавчик. За другими столиками меня, кажется, осуждают. Вон и хозяин таверны идёт, сейчас, наверное, будет ругать юную девушку за кокетство. Или нет? Похоже, что нет. Заискивающе улыбается и разглаживает ладонью на груди накрахмаленный фартук.
- Леди Моника что-то желает? - склоняется он к моему столу.
- Леди Моника желает, чтобы этот сон никогда не кончился.
- Простите, я вас не совсем понимаю.
- Хочу запеченных перепелов с трюфелями, блинчики с икрой, шашлык из грудинки, мороженое с кремовой розочкой, компот и вон того красавца, - лукаво стреляю глазами на стол генерала, чуть кивая головой.
Хозяин таверны улыбнулся и отвёл глаза, как будто услышал забавную, но слишком грубую шутку от слишком юной девицы. Я пригубила напиток из своего кубка, смотрю вызывающе прямо. Где, как не во сне, в теле юной девицы, творить все, что захочется? Без сомнений, терзаний совести и всего остального, что так сильно мешает жить наяву. Это здесь мне едва семнадцать, а там, в обычной жизни, уже... уф! И думать не хочется. Да и что такое великая страсть давно позабыто.
Хозяин таверны смущен и как будто немного сердит. Усы встопорщились, и с них посыпались серебристые искорки. Целый фейерверк разлетелся по сторонам. Он хотел бы перевести дело в шутку, но не может. На его красных щеках проступают белые пятна. Мне ничуть не стыдно, даже, наоборот. Наконец, он решился.
- Через час ждите у главного входа. Мальчишка подойдет и покажет где... - быстро он смахнул с усов искорки и пригладил их обратно рукой, - ну вот то есть куда...
- Я не могу ждать так долго. Вдруг очнусь, и ваша таверна рассеется дымом? - улыбнулась я беззаботно.
- Не хотелось бы. Госпожа Моника - известного рода магесса. Позвольте, но ваш отец не захочет отвечать перед ковром за такое. Развезть карету ещё куда ни шло, но таверну!
- И все же? - склоняю я к плечу прекрасную голову.
- Хорошо. Я берусь все уладить. Ваш заказ сейчас подадут. Ждите. Мальчишка сам подойдет к вашему столику и проводит.
- Вот и отлично. Спасибо, - отклоняюсь я на спинку кресла.
Как же тут мило! Толстые балки подпирают расписной потолок. Краски яркие, узор очень подробный, объемный. Кроны деревьев, цветы, всевозможные птицы. Над барной стойкой свесил голову лев, ощерил пасть, и кажется, что его нарисованная слюна вот-вот капнет в горшочек с чьей-то похлебкой. Мальчишка-подавальщик уловил мой внимательный взгляд, поднял голову на потолок, удивленно хмыкнул и замахнулся половником. Кажется, не попал. Нарисованный лев тут же спрятал голову в траве, лишь только слюна осталась свисать с зелёной веточки. Мальчишка пожал плечами, покачал головой и отодвинул горшочек подальше.

Глава 2

Медленно вращаются в блюде разноцветные искорки, похожие на цветы. Разгораются, чтобы тут же погаснуть. Синие как василечки на поле, реже жёлтые маргаритки, иногда красные как угольки в печи.
 Жаль заносить над ними ложку, медлю, не тороплюсь разрушить узор. Под цветочной феерией горкой выложены слои поистине странного блюда. Копчёные перепела, трюфели, козий сыр и орехи под толстым слоем солоноватого крема в присыпке из миндаля. Все так вкусно и так необычно.
 Решаюсь и зачерпываю полную ложку этого наслаждения.
 Во рту цветы взрываются букетом разного вкуса. Тут и гвоздика, и мускатный орех, чуточку перца, что-то ещё незнакомое и будоражаще-кисловатое.
 Только бы не очнуться теперь ото сна посреди полупустой серой квартиры. Только бы досмотреть этот сон до конца, задержаться хоть на чуточку дольше.
 Мальчишка подходит к соседнему столику, склоняется перед моим генералом. Тот, кого я так страстно желаю заполучить сегодня, хмурит брови, озадаченно проводит рукой по щеке.
 Не верит? Или посчитал мое предложение неуместным? Обидно. Даже во сне не суждено согрешить... Улыбнулся и встал в полный рост темной громадой. За его спиной мне мерещатся крылья. Будто синеватая дымка, они тихонько мерцают. Невидимые, неосязаемые. Сердце в моей груди боязливо ухнуло, пропустило темп и резво пустилось вскачь, будто бы только теперь обрело свободу.
 Он улыбнулся, и в щеки мне ударила горячая кровь. Стало стыдно лишь на долю секунды. Это сон, чего же бояться. Разве можно стыдиться иллюзии? Мужчина не настоящий, он всего лишь мечта.
 Смотрю прямо и гордо, взглядом открыто предлагаю провести эту ночь вместе. Он подходит все ближе и ближе. Мундир чуть расстегнут, каблуки кавалерийских сапог стучат по дощатому полу, в длинных пальцах зажат цветок хрупкой лилии.
 Лукавый дьявол улыбается со дна его черных зрачков, сыплет вокруг себя искры, заманивает в водоворот. Мы уже не в силах отвести взгляд друг от друга.
 - Госпожа Моника, - перекачивает он мое имя на языке, будто стремится распробовать. Я в ответ чуть склоняю голову, - Позвольте пригласить вас...Черт! Не могу... - багровеет он.
 - Позволяю, - улыбаюсь я и лукаво опускаю глаза. Когда ещё мне удастся так смутить генерала?
 Учтивый поклон, он предлагает мне свою руку. Я хочу поиграть, заставить подумать, что он все не так понял, что я ничего и не предлагала. Медлю немного и, будто бы в нерешительности, опускаю свою крохотную ладошку в капкан его горячей руки. Провожу ласково мизинчиком по его запястью. Наконец поднимаюсь.
 - Моника, - страстно шепчет он. Хочу заглянуть ещё раз в омуты его черных глаз, познакомиться чуточку ближе с тем дьяволом.
 Закидываю голову немного назад, черт, какой он все же высокий. Черная бездна все так же притягательна и остра, ее крутой водоворот меня затягивает. Не понимаю как, но внезапно оказываюсь у него на руках, тесно прижатой к груди.
 Генерал несёт меня наружу из зала, к лестнице, туда, где раскинулась обитель порока - второй этаж, комнаты для мужчин высшей знати. И мне волнующе страшно, точно так же как и тогда, в самый первый мой раз...с другим, даже не с моим мужем.
 Стремительно проносятся над головой росписные потолки. Грохот его каблугов и шпор разлетается по всей таверне. Он держит меня так легко, будто былинку.
 И вот уже полутемный второй этаж, комнаты для гостей, широкие в золоченой резьбе двери, странный смоляной запах, треск фитилей редких свечей, бархатные шторы, толстый ковер, прячущий в своем ворсе звуки шагов.
 Наш самый первый, украденный у судьбы, поцелуй. Жаркий, невыносимый, после которого так больно дышать, и время как будто остановилось. Хочу, чтоб он никогда не кончался, и мечтаю скорей его оборвать, чтобы получить сразу же куда большее. Со вздохом он отстраняется от меня и несёт дальше. Впереди двери комнаты. Я знаю, там сегодняшней ночью я распрощаюсь с невинностью. Знаю и страстно хочу этого.
 У стены появилась из воздуха мужская фигура. Та же форма, что и на генерале, только намного скромней, строгое лицо, нахмуренные брови, мужчина мне кажется

старше.
 - Император не велел связываться с...- поджигает он губы.
 - Со мной наследница одного из сильнейших магических родов! Не беспокоить по пустякам.
 - Скоро мы выступаем!
 Вихрем мы врываемся в комнату. Генерал опускает меня ногами на пол. Ещё один поцелуй. Мои руки ищут пуговицы на его форме. Находят. Расстегиваю, и даже успешно, несколько штук. Сорвано мое платье, пуговиц на нем, кажется, не осталось.
 Я стою в лёгком, как ветерок, пеньюаре, еле прикрытая прозрачной тканью. На ногах надеты чулки и крохотные ботинки.
 - Волшебная! - он щелкает пальцами и гаснут все свечи кроме одной, той, что стоит на столе. Теперь в комнате для гостей почти темно. Я едва вижу, как с генерала падает форма. Мундир, брюки и португеза - все одно за другим ложится на пол.
 Обнаженный, подтянутый, он стискивает меня в объятиях, ласкает, целует в плечо, чуть трогает языком мочку уха. Наконец срывает с меня последнее облачко ткани.
 - Хороша... и совсем не стыдишься, - вызывающе смотрит в глаза.
 - Совсем, - вздергивая подбородок и проворачиваясь на месте, давая себя рассмотреть со всех сторон.
 Напористо, почти грубо, целует в губы, опрокидывает на кровать. Прижимает к прохладному белью мои тонкие запястья своими руками. Я вся трепещу в предвкушении удовольствия.
 Генерал врывается сильно и мощно, будто бы захватывает вражеский бастион. Мне становится остро больно. Так же не бывает во сне?!
 Я вскрикиваю, и он замирает, неверяще проводит рукой. Подносит пальцы к лицу. На них яркая кровь.
 Кто я? Как оказалась здесь? Если это не сон, то что? Пытаюсь отстраниться и не выходит, он меня держит, не даёт ускользнуть.
 - Не ожидал. Потерпи, скоро боль уйдет, - мягкие и бережные прикосновения. Боль отступает, сменяясь удовольствием. Хочется ещё и ещё. Не думать ни о чем, наслаждаться. Ведь все уже случилось. И совершенно не важно где я, главное, с кем.
 Волна удовольствия нарастает, стон сам собой срывается с губ. Он улыбается и набирает скорость. Я цепляюсь пальцами за белье, кричу, кусаю его за губы. Кажется, что весь мир расшибся в моей голове водопадом удовольствия.
 Наконец, обессилив, падаю на подушки. Темп не становится тише. Генерал жаждет получить свое удовольствие.
 Рычит надо мной, сильно вздыхает и опускается рядом.
 - Женюсь.
 - Нет.
 - Я никому ничем не обязан.
 - Я тоже.
 - Я никому не обязан ни словом, ни делом. И готов жениться на вас, госпожа Моника!
 - Я не готова выходить замуж.
 - За меня?
 - Вообще! - смеюсь я и укладываю голову ему на плечо.
 Гул трубы со двора, ржание коней, цокот копыт, басовитые мужские голоса. Стук в дверь.
 - Мой генерал, мы выступаем. Роульцы опрокинули стену.
 - Бесовы дети! - вскакивает на ноги мой мужчина, заплотно оглядывается и вдруг замирает, глядя на меня.
 - Да ты и сам как дьявол! - смеюсь я.
 - Прими это кольцо в знак грядущей помолвки. Или я погибну, или вернусь к тебе.
 - Возвращайся, - моментально я проваливаюсь в сон и лишь с трудом замечаю, как мой мизинчик обхватил перстень.
 Грохают двери, слышен голос слуги.
 - Перенесите ее в комнату этажом ниже, мой генерал. Иначе скандала не избежать.
 - Ты так считаешь?
 - Заверните в одеяло, чтоб не было видно волос. Такой цвет локонов встречается только у женщин ее рода.

Глава 3

Высокий потолок огромной комнаты напоминает кремовый торт. Такие же точно белые завитушки и розы. По центру свисает на золоченой цепи громадная люстра. Вот она как раз и похожа немного на тарелку по форме. Тарелка и торт. Забавно. Интересно, где я проснулась? Уж точно не дома. Да и на наш доблестный офис - обитель пыли и плесени - это здание никак не похоже.

Тогда что?

Остаются два варианта - гостиница или больница. Если гостиница, то возникает вопрос, почему я в ней нахожусь? Ни о каких командировках я не помню. Они не так часто у меня случаются в жизни. Да и шеф ни за что бы не разорился на номер люкс. Он, как правило, заказывает гибрид кладовки и каморки для крошки-домового. Уж точно не роскошную залу.

Если больница? Такое ведь тоже возможно. Я в последнее время много думаю о разводе и проектах в фирме, вполне могла не посмотреть, как следует, по сторонам. Вот и шагнула сдуру под машину. Бедный водитель! Сколько у него неприятностей будет из-за одной замученной жизнью идиотки! Надеюсь, для нас обоих все обойдется легким испугом.

Нет, ну где же я всё-таки нахожусь? Люстра висит метрах в семи от пола.

В центре, конечно, есть несколько действующих больниц, которые основали ещё при царе. Там и завитушки на потолке вполне могли сохраниться, и настенные бра, и вот эта вот люстра. Надо бы осмотреться как следует, но для этого придется сесть. Можно или нельзя это сделать? С каким диагнозом меня привезли и где врач? Впрочем, хорошо, что его нет. Значит, не реанимация. Руки-ноги на месте, голова тоже при мне. Может, и не самая умная, но уж какая есть. Надеюсь, выкарабкаюсь. Заботиться обо мне все равно некому.

В теле приятная ломота, чуть ноют бедра и повыше ещё кое-что... хм. Вот это уже интересно.

Что вообще могло со мной случиться? Надеюсь, не... Вот чего бы мне точно не хотелось, так быть жертвой насилия. Лучше уж пусть это было ДТП.

А что я вообще помню последнее?

Мужское красивое лицо, горячее тело под строгим суконным мундиром, широкая грудь, к которой так приятно прижаться щекой, его боевые награды, звеня, путаются в моих волосах. Обнимаю руками за плечи и никак не могу обхватить всего целиком своего генерала. Он все ещё пахнет жаркой постелью, воском горевшей в изголовье свечи, разделенной на двоих страстью, немного железом и каплю дымом походных костров.

Трепетный поцелуй, исполненный невыносимой нежности, острой, ранящей сердце. Соленый поцелуй. Несколько слезинок скатилось по моим щекам. Он смахивает их ласково и неумело.

- Клянусь, я вернусь к тебе. Мне есть ради кого возвращаться.

- Вернёшься?

- Я не буду убит. А если... У тебя на пальце мое родовое кольцо. Ты магичка, знаешь, какую силу оно даёт такой как ты. С ним ты не пропадешь, любимая. Вернусь и женюсь на тебе.

- Нет, не женишься, - трусь головой о его шею. Одна только волшебная ночь была у нас, ее сохраню в памяти. Брака, быта, всего остального не будет. Нельзя испортить всем этим наше с ним счастье.

- Женюсь. Император одобрит такой... наш брак. Ради этого готов расстаться со своим титулом, - я счастливо смеюсь в ответ. Знаю, что так не бывает.

Перед нами открываются двери. Светлый потолок тонет в пред-рассветном сумраке. Утро – та неизбежность, которая должна наступить. Так жаль прощаться мне с этой ночью. С ночью, которая никогда не повторится. По крайней мере, с этим мужчиной. Навечно его я никогда не стану. Слишком дорого мне обошлась свобода от прошлого брака.

Сильные руки опускают меня на постель, глубже кутают распаленное страстью тело в прохладу шелковых одеял.

Он уходит, громко цокая сапогами, так ни разу и не обернувшись. Я закусываю губы и сильнее сжимаю его перстень в руке. Он колет нежную ладошку узором, будто бы стремится напиться капелькой моей крови. За окном первую зорьку поют дикие вольные птицы. Весь мир их, все небо отдано им. И я такая же вольная, ни от кого не завишу. И ни на что не променяю свободу. Ни за что. Свечи качаются в люстре, подмигивая огоньками. В той самой люстре, которая висит сейчас на потолке.

В голове мешанина из обрыв-

ков воспоминаний. Часть кажется и вовсе чужими. Они никак не хотят стыковаться в единый узор между собой. Распадаются, как орнамент бракованного дешевого пазла.
 Вот я иду на обед в недорогое кафе рядом с работой. Стеклянная витрина. Булочка ни с чем и кофе без ничего. Я как всегда пытаюсь блюсти диету, банковская карта, точнее, ее нулевой баланс меня в этом поддерживает.
 А дальше? Дальше-то что? Расписной потолок? Таверна? Блюда на латунных тарелках? Красавец за соседним столом?
 И ведь мне было с ним, с моим генералом, отчётливо больно! Во сне так не бывает! Да и сейчас тело все еще хранит память о бурной ночи. После сна мышцы не болят так же как после бури страсти!
 Я села на кровати, легче не стало. Это не гостиничный номер и точно не больница.
 Кружевные шторы тормозит весенний ветер, теплый день с любопытством заглядывает в комнату. Там, за окном, элегантный черный экипаж катит лошадь по мостовой. Колеса щёлкают по стыкам брусчатки, едва слышно скрипят спицы. В комнату доносится радостное фырчание лошадки. Шоколадная шерстка уложена волосок к волоску, отливает золотом, в гриву вплетены свадебные белые ленты. Медные пряжки блестят на солидной амуниции. В нос ударил запах свежей сирени. Здесь сегодня начало весны. Кто-то, похоже, собирается гулять свадьбу, хорошо, что не я.
 Экипаж остановился прямо напротив моих окон, кажется, у центрального входа.
 Надо уже, наверное, собраться с мыслями. Пора бы уже. Только они разбегаются во все стороны со скоростью бешеных зайцев. Мир другой, другое окно, тело мое, как бы так сказать, тоже не совсем мое. Оно куда тоньше и моложе. Даже волосы не мои! Я пропустила прядку сквозь пальцы. Точно, совершенно другие, тонкие светлые и... блестят как-то странно. Нет, это все хорошо конечно. Быть юной блондинкой с такой славной фигуркой и моим жизненным опытом во многих сферах – это просто мечта. Но только к своему телу я уже очень привыкла за столько лет!
 Может, всё-таки сплю? Но во сне не бывает больно. Со всей дури махнула рукой и треснула ей о кровать. От удара я вскрикнула. На пальце появилось красное пятно. Вот теперь все ясно... Будет синяк. И я, мягко говоря, очутилась не дома.
 Соскочила с постели, путаюсь в одеяле. Оглядела комнату. На столике рядом с кроватью выкатил пузо толстенький кошелёк. Потрясла его рукой за верёвочку, внутри притягательно звякнули золотые монеты, уже хорошо. Плохо то, что в комнате нет моей одежды. Ни платья, ни панталон, ни корсета, ничего! Что вообще носят в мире, где на потолках такая лепнина? Шляпки? Гвоздички в петличках? Не хочу! И не буду. Я свободная женщина! Или нет? Здесь я, похоже, совсем юная девушка. И что-то мне подсказывает, что живу я под опекой родителей или другой какой родни. Это плохо. Я плюхнулась на кровать обратно и посильнее закуталась в одеяло. Где взять одежду – вот в чем заключается главный вопрос.
 Ветер принес в комнату запах свежего хлеба и жареных гренок с беконом. Сразу же захотелось ещё и позавтракать. Слуг что ли позвать? В гостинице должны же быть слуги? Наверняка у них можно попросить одежду. Или заказать хоть какое-то платье... Вместо того самого, которое разорвал на мне генерал. Кровь сразу ударила в щеки. Стало жарко и немного стыдно. Стыдно за то, как я повела себя с тем мужчиной. Впрочем? За такую ночь лёгкий утренний стыд – дешёвая плата.
 Я закусила губу и улыбнулась. Жалеть мне не о чем.
 Дверь в комнату распахнулась без стука. Женщины, юбки, пакеты, коробки и свёртки. На всех женщинах лёгкие длинные платья. Красивые очень, но без кринолинов и корсетов, как я боялась. Простая ткань в мелкий узор, заколочки, неброские украшения. Миниатюрная женщина покачала головой и улыбнулась. Такая же блондинка, как и я, только постарше.
 Следом за этой толпой в комнату втиснулся солидный мужчина в лоснящемся от времени зеленом сюртуке. Мне он показался смутно знакомым. Седые волосы, доброе лицо, карие глаза, крупные пальцы перебирают что-то очень похожее на часы.
 - Смотри, она улыбается, наша дочь. А ты боялась, - кивнул он радостно блондинке, - Говорила, что Моника никогда не простит нам того, что ей пришлось оборвать обучение в Академии.
 - Конечно, боялась. Ведь она даже не видела жениха, а сегодня уже день свадьбы, - мягко говорит женщина, и мне становится дурно, - Доченька, ты почему ещё не оделась? Где твоё платье?

- Я отдала его в стирку, - кладаю я зубами от страха. Знала бы ты, мама госпожи Моники, где оно, мое платье! Ой.
 - Напрасно. Там слишком тонкие кружева. Их нельзя отдавать в руки гостиничных прачек, могут и испортить. Ну ничего, я прикажу подать завтрак сюда. А из номера ты уже выйдешь в другом. Дорогой, спустись вниз. Подожди нас там. И поинтересуйся, где платье юной госпожи Моники.
 - Непременно, - улыбается мне отец и уходит искать чёртово платье. Повезет, если простыню не найдет. И хозяин этой гостиницы ничего не разболтает. И мальчишка посыльный... И все остальные. Я не знаю, почему я так этого боюсь. Не хочу огорчать чужих людей? Или есть что-то ещё? Но что тогда? И как все обернется, если эта семья узнает о том, что их дочери в этом теле больше не существует? Изгонят как демона? Сожгут на костре? Да откуда я знаю, что будет. Но для меня точно ничего хорошего. Тем более после всего того, что я сотворила с этим телом за прошлую упоительную ночь. Такое не прощают даже родным дочерям. В этом мире, так точно. Сошлют ещё в монастырь или на каторгу.
 - Ты такая бледная, дорогая. А щеки, наоборот, красные. Не стоило тебя одну отпускать. Надо было встретить из самой Академии. Хорошо добралась? Не простыла? Там такие сквозняки в этом их грифоновом поезде.
 - Отлично. Просто отлично, мама. Спасибо тебе за заботу.
 - Я очень рада, что ты смирилась. Поднимайся, нужно умыться. Свадебная церемония совсем скоро. Та, что назвалась моей матерью, делает жест рукой и шторы на всех окнах раёззаются в стороны. Магия? Яркий свет заливают всю комнату. Вместо штор окна прикрываются тонкими полупрозрачными ставнями. Откуда они появились, я не понимаю. Но через них теперь ничего не видно.
 - Мы приглашены на свадьбу?
 - Не пугай меня так. Сегодня твоя свадьба, милая, - оборачивается ко мне мать, - Ты войдёшь в семью самого Патрика Гжегоша. Великий торговец тканями, барон, титул наследный, владелец земель по ту сторону Большой реки, известный охотник на нечисть.
 - Охотник на нечисть, - ошалело произношу я.
 - Именно. С таким мужем ничего не страшно. В этот день ты покинешь родительский дом навсегда. И весь твой магический дар вместе с невинностью перейдет к мужу, - нараспев произносит мать.
 - Дар перейдет мужу...- повторяю я за этой странной женщиной ее фразу. Отдать то, чем ещё даже не воспользовалась, не насладились? Мой магический дар! Ни за что! Да и невинности у меня больше нет. Боюсь, муж останется недоволен. Ему сегодня не достанется ничего. Как бы устроить скандал? Можно же, наверное, избежать свадьбы. Надо только побольше расспросить родителей, и я обязательно выкручусь.
 - Магический дар, - кивает она с грустью в глазах и мягкой материнской улыбкой на губах, - Как это всегда и бывает в семьях добропорядочных магов. Нет, часть твоего дара, конечно, вернется потом. Лет через десять или чуть раньше, как это было у меня. Но колдовать в полную силу ты уже никогда не сможешь. И вреда своим огромным даром, своим колдовством ты уже никому не причинишь. Никогда. Для этого и в Академии учиться не понадобится.
 - Вот как. А что, если я откажусь от свадьбы? - мать грустно улыбается, опускает глаза и качает головой. Служанки притворно охают.
 - Твой договор с Академией нашей семьёй уже расторгнут. Твой дар слишком необычен, чтобы им позволили обладать. Тебя уничтожат по приказу императора не позже, чем к следующему полудню, дорогая. Такими вещами шутить нельзя, - мать оборачивается к двери. Та приоткрыта, - Вот и наш завтрак, - нарочито весело говорит мама и промакивает белым платочком глаза.
 В комнату заглядывает мой отец с полным подносом всевозможных сластей. Слышал наш разговор или нет? Какие выводы сделал? Этот мужчина мне кажется умным.
 - Платье служанки еле нашли. Оно порвано.
 - Какой ужас! - вскрикивает мать чересчур импульсивно, - Моника, садись за стол. Я им всем устрою.
 - Хозяин таверны очень извинялся. Не стоит этого делать, дорогая. Ущерб нам и так возместят.
 - Но это же натуральное хамство? Портить чужие вещи. Ужасно. Я должна им все высказать.
 - Не омрачай последний семейный завтрак. Следующий год наша дочь проведет в замке Гжегошей в полной власти той семьи. И мы ее в этот год не увидим.
 - Даст богиня, она сумеет зачать ребенка сразу же после того как отдаст дар. Это лучшее, что может случиться.

Глава 4

 Отец вошёл в комнату, широко улыбаясь.
 - Ну, дайте мне наконец полюбоваться на мою доченьку!
 - Господин, ещё ничего не готово. Только платье подогнано, - падают как яркие осенние листья в реверансах розовощекие служанки.
 - Пока вышла Лелея, я могу полюбоваться на дочь! Никто бурчать над ухом не будет. Выйдите все на пару минут. Мне нужно оставить своей крохе напутствие.
 И теперь он сидит рядом со мной за столом, вжавшись лбом в мою маленькую ладошку.
 - Прости меня, доченька, что все так вышло. Роэльцы напали внезапно. Я не знаю, говорили ли вам об этом в Академии, но стена рухнула.
 -Я уже знаю, папа, - не с роэльцами ли сейчас сражается мой генерал? Сердце тоскливо заныло в груди.
 - Нечисть скоро появится в каждом доме. Все эти домовые, банники и прочие. Уф. Но не это главное. Император требует взнос в казну. Нам нечем платить, пришлось прервать твоё обучение. Но что в этом толку? Совсем нечем, ты понимаешь? Гжегош давно предлагал за тебя хорошие отступные.
 - Что? - выдернула я руку из пальцев отца.
 - Он предлагал за тебя, лучшую невесту, хорошие деньги. Он так и сказал, кто как не Моника сможет продлить их род?
 - И ты согласился? - сглатываю я комок, подступивший к горлу. Отец вот так просто готов продать меня в жены. Отобрать магию, отобрать свободу, отобрать будущее. Зря я поверила в то, что он меня любит. Точнее, что он любит Моника. Торгаш. Благообразный, седеющий торгаш, который продаст абсолютно все из того, что ему продать выгодно.
 - Патрик красив, ты обязательно влюбишься в него. Он сильный, честный, здоровый. Ну, а магия? Твоей матери тоже было не просто первое время. Женщины смиряются с потерей дара. Потом дар вернётся. Не весь, конечно, и не полностью. Зато искры его ты увидишь в ваших с Патриком детях.
 - Угу, - кивнула я, прикидывая, стоит бежать уже сейчас или лучше ещё немного подождать. Просто чтобы узнать заранее, в какую сторону бежать будет надёжнее. Может быть, где-то неподалеку граница с другим королевством, и там меня не станут искать? Как бы узнать. Прямо не спросишь и карта на стене не висит.
 - В замке Гжегошей ты будешь под надёжной защитой, император навсегда забудет о тебе. Учеба и магия - не самое главное, что есть в жизни. Станешь рожать деток каждый год, полюбишь мужа, будешь вязать салфеточки, - от сомнительной перспективы мне стало дурно, но отец, похоже, решил добить, - Это тоже своего рода счастье. И мы сможем заплатить взнос в имперскую казну. Ещё и на жизнь останется. Ты прости нас. Но за твоё обучение платить больше нечем, как бы я ни хотел. Магесса, обладающая чистым природным даром, который не прошел огранку в Академии, опасна. Тебя бы просто убили по приказу императора, а так все очень удачно сложилось. Семья Патрика столько лет мечтала о тебе, они хотели породниться с нашим родом. И теперь они так счастливы. Станешь жить в их замке в окружении слуг, в роскоши. Стены там толстые, никакая осада не страшна. И домовые наверняка не пролезут, побоятся младшего Гжегоша.
 - А я, стало быть, нет, - отец ничего не ответил. Тяжело поднялся, оправил сюртук и развернулся лицом к стене. Может, он не лжет? Может, и вправду считает, что другого выхода нет? Тогда будет хотя бы не так обидно. Пускай для начала получит выкуп за брак, а сбежать я смогу и чуть позже. В промежутке между заключением брака и посадкой в карету. Только бы не потерять дар.
 Мать вышла из комнаты минут пять назад, чтобы найти какую-то мелочь. Кажется, ей не хватило особой булавки, чтоб сколоть на груди мое подвенечное платье. Оставила дома и теперь винит во всем отца. Эта женщина очень нервничает, переживает и поэтому ведёт себя слишком громко, порой даже скандально, то и дело картинно заламывает свои длинные, унизанные крупными кольцами, пальцы. Камни на них так и сверкают, щедро разбрасывая по комнате солнечных зайчиков.
 Мама нервничает, потому что переживает за судьбу Моник? Или просто опасается, что свадьба сорвётся? Не уверена ни в том, ни в другом.
 Мама и папа. Надо привыкнуть именно так называть этих

людей, если я не хочу попасться. А я не хочу. По крайней мере, пока не освоюсь, и не узнаю, что мне будет за то, что я заняла чужое тело.
 Где теперь настоящая Моника? Надеюсь, она не соберётся сюда внезапно вернуться? И что случилось с моим собственным телом? Как окажется, что оно попало в руки юной магички. Ой, что она может с ним натворить.
 В любом случае, сейчас мне нужно время, чтобы во всем разобраться и придумать, как выпутаться из заботливого хватата этой семьи.
 Громкий голос мальчишки со двора объявил о прибытии на постоянный двор замужней пары эльфийских банкиров. Я чуть не рванула к окну, чтобы только на них посмотреть. Благо опомнилась, окна теперь закрыты магическим щитами, которые навесила мама- все равно через них ничего не видно.
 Чувствую, что впереди, с таким плотным кольцом заботы, ничего хорошего меня точно не ждёт.
 Стать чьей-то женой, вынашивать и рожать детей одного за другим, жить уединенно в чужом замке без права голоса и собственных денег... Нет, этого не будет. С Моникой, может быть, и можно было так поступить, но со мной точно нет. Я как-нибудь выпутаюсь из сложившихся обстоятельств. Ещё и счастлива буду. Работу найду. Дизайнеры многим нужны. Магички, наверное, тоже.
 Знать бы ещё, что за дар приложен к этому прекрасному телу. Мать говорит, что опасный и редкий, но не уточняет какой. Даже император его опасается. Угроздило же меня очутиться в Империи. Сходила на обед в кафе, называется. Так только у меня могло получиться.
 Впрочем, я не расстроена, и даже наоборот. Юное тело, магия, кошелек золотых - наконец-то судьба расщедрилась на настоящие подарки для меня.
 Так и буду к этому относиться. Что для юной девицы конец свободы и жизни, то для меня - возможность жить счастливо и просто подарок судьбы.
 После всего, что осталось в прошлом там, на Земле, здесь я точно со всем справлюсь. Только бы хоть что-то узнать про обычаи этого мира. Ну, хоть самую малость. Без знаний, крупинок информации, выкрутиться не получится. А как вывести что-то полезное, совершенно не ясно.
 Отец неосторожно задел рукавом столик, и все мои заколки разлетелись по полу. Бусины весело бросились вскачь, то ли дело невидимки. Эти упали стопочкой прямо под ноги отца. На самую крупную, разноцветную, с бабочкой посередине он даже наступил носком ботинка. Хрустальные крылья осыпались на пол, загнулись вверх золотые усики, торчат враспырку сиротливые тонкие лапки. Пусть замуж я не хочу, но бабочку жалко.
 - Только матери не говори, - подмигнул мне мужчина и улыбнулся. По мановению его пальца осколки растаяли в разноцветные лужи, чтоб тут же стать крыльями, затвердеть на спине ювелирного чуда. Проволочки усиков распрямились, лапки подобрались. Отец нагнулся и, смело взяв бабочку в пальцы, хмыкнул.
 - Вроде точно такая же, нигде не напугал узора. Лелея заметит починку, опять станет ругаться, что я слишком небрежен.
 - Вроде такая же.
 - Ты маленькая всегда так радовалась, когда я собирал обратно твоих фарфоровых кукол. Помнишь?
 - Помню, - не моргнув глазом солгала я, а отец отвернулся к окну слишком поспешно. Можно подумать, ему там хоть что-то видно.
 - Элинорс прибыл со своим младшим сыном, невесту ему подыскивают. Мы праздновать останемся здесь после посещения жреца. Мать уже сказала?
 - Ещё нет.
 - Гжегоши увезут тебя в замок, а мы с матерью и гостями вернёмся сюда. В этот год Гжегоши гостей принять не посмеют, таков обычай этой семьи. Чтобы молодая жена успела привыкнуть к новому месту до рождения малыша и разучилась жаловаться родителям и друзьям, не выносила обид из семьи. Может, так и правильно? Я не знаю... Но очень буду скучать. Ты у нас девочка разумная, мужу перечить не станешь. Первенца родишь, и мы снова встретимся. Только я тебя прошу, Моника, - отец резко развернулся от окна и заглянул мне в глаза, - Никогда не попадайся на пути Гжегошу старшему одна.
 - Почему? - насторожились я.
 - Он вдовец и до сих пор не женился, хоть и младше меня. Якобы все ещё скорбит. И ведь никто так и не узнал, как именно его супруга погибла в их чёртовом замке, хоть и прошло столько лет. Ты ещё юна, многого не понимаешь, но его обходи стороной. Таких как он злить нельзя. Помни, после того как брак будет заключён, ты отправишься в замок мужа, там потеряешь невинность и твой дар перейдет к мужу. Ты лишишься

магии. Сразу же. Этим же вечером.
 - Я буду мила со своим тестем, папа. Не беспокойся, - сочла я нужным утешить отца. Ни невинности, ни моей магии муж не получит. Да и в замке Гжегошей мне пока не слишком хочется поселиться.
 Надеюсь, что и генерал мой дар себе не забрал. Как бы узнать это? Мы же с ним брака не заключали! Но с другой стороны, перстень-то он мне на руку нацепил. Кто знает, что это значит.
 - Не стоит. Вдруг ...
 - Я буду брать с собою везде служанку, папа.
 - Пожалуй, так будет лучше, - обернулся отец вновь к стене, - Надо же, Эмма пожаловала. Я высылал ей приглашение, но не думал, что она его получит и, тем более, пожелает к нам! Даже сына с собой прихватила. Ой! И гору каких-то подарков. Не хочешь на них посмотреть? Там как будто корзина для полетов выглядывает из подарочного свёртка.
 - Каким образом я посмотрю, интересно? - я зябко поежилась в платье.
 - Подойди ближе, я покажу.
 - Покажешь?
 - Мне не сложно. Тем более, что в нашей семье даром видеть сквозь стены и морок обладаю только я один. Так ты хочешь посмотреть? Кажется, она привезла тебе и крошку сову в подарок. Сможешь потом, как сова подрастет, слать нам с матерью письма в тайне от мужа.
 - Платье немного мешает.
 - Ну, тогда посиди.
 Платье и свадьба. Мой собственный дар мне в его природной чистоте никто не оставит. Мать вообще решила, что я слегка помешалась от страха и поэтому выпрашивала об очевидных вещах. Отец ходит из угла в угол по комнате, пока служанки собирают мой свадебный наряд.
 Pyшное платье давно надето, оно наколдовано из атласной материи и напоминает морской прибор.
 Лёгкое, весеннее, белое-белое, лишь только вышивка на нем голубая. Атласные ленты переплелись и стали цветочной лужайкой. Жемчужинки исполняют важную роль - они теперь сердцевинки голубых незабудок, алые камушки стали вдруг ягодками брусники, малахит так похож на лесную неспелую голубику. Вместо фаты небольшая корона, на ней так мало крупных камней. И тоже цветы. Голубые пионы смотрятся чересчур настоящими. Ювелир даже капли росы придумал как сделать, выточил их из горного хрусталя.
 Перчатки на руках в обрамлении вышивки, чулки, к ним поясok на талию и ремешки из шелковых лент. Они сейчас напоминают мне португую, чуточку впиваются в тело, хоть и выглядели дорого и прелестно.
 Пеньюар из тонкого хлопка взамен того самого, павшего под пальцами генерала. Где он, жив ли на той войне? Цел ли конь под ним?
 Крохотные туфельки на тоненьком каблучке. С ума сойти, неужели у меня теперь стала такая миниатюрная ножка?
 Все неимоверно дорогое, настоящее, подделкам нет места - об этом то и дело напоминают служанки. Только настоящие камни, хрусталь, атлас и шелка. Во что же оно обошлось, мое платье? Родители одеты не слишком богато и держаться строго.
 - Что сделает Патрик, если узнает, что я порочна?
 - Не знаю, - бледнеет отец и трясет головой, - Только не говори, что ты! - в ярости он начинает багроветь и задыхаться. На его ладони закручивается вихрь. В ответ белеют кончики моих пальцев, - Это будет такой позор! Я обещал. Умей держать свой дар в рамках, - указывает он на стену за моей спиной.
 - Я пошутила.

Глава 5

Сбежать не получится, гостиница находится в оцеплении из гостей со стороны жениха.
Высокие, стройные, черноволосые всадники сидят верхом, закутанные в плащи черного бархата. Серебряные пряжки, фибулы из латуни, мечи и даже шпоры на сапогах - все натерто до блеска, нигде нет места ни пылинке. Красавцы, безмерно гордящиеся собой.
Отец, только завидев этих гостей, стал тереть лоб рукой и что-то забормотал себе под нос. Может, молитву?
Я же глаз отвести от этих мужчин не могу. Жизнь и отвага так и плещут наружу из них. Взлетают плащи, кружат по двору меж толпы их черные кони, то и дело раскрывая огромные пасти, чтобы огласить гостиничный двор громогласным ржанием. Уши закладывает от этого звука, бледнеют служанки, но глаз отвести тоже не могут. Мы все смотрим наружу через дыру в стене, которую наворожил мой отец. Мамины щиты так и стоят нетронутыми на настоящих окнах.
Всадники держатся на спинах коней уверенно, не шелохнутся, только звенят громче сталью мечи, пока ещё узники ножен.
Боевые кони под ними тоже сияют какой-то первозданной, необычной красотой. Короткие гривы заплетены и топорщатся вверх круглыми шишечками, хвосты распущены чуть ли не до земли, окрашены золотым кончиками ушек. Громадные копыта легко ступают по гладкой брусчатке, вдавливая в нее глубже разноцветные камни.
Сердце в груди бешено стучит, требуя бежать без оглядки, и уже не так важно куда. Лишь бы только подальше. За море, в горы, притаиться в лесной хижине, хоть бы даже и в пустыню. Только бы подальше от этой свадьбы и всей родни жениха. Эти не простят мне бесчестия. Повезет, если останусь живой.
Но и магии моей они не получают. Ни за что свой дар не отдам. Пусть сама не знаю, зачем он нужен, и какая во мне гуляет сила, но отдать кому-то частицу себя? Ну уж нет, пусть подавятся Гжегоши своими деньгами. Не на ту напали. Я выросла не в шелках и заботе служанок, я выросла на Земле и точно знаю, что за себя можно и нужно биться. На серебряном блюдечке мне ничего готового не приносили. Все приходилось выцарапывать у судьбы своим остреньким коготочком. Справлюсь и здесь. Я не Моника, я другая, и сил во мне больше.
И все же мне, хоть и немного, но становится страшно. Вновь белеют кончики пальцев, а стена за спиной покрывается глазурью из толстого льда.
Даже отец мне кажется теперь напуганным, опешившим от всего. Не ожидал. Не рассчитывал.
- Мы правильно поступаем, смотри, дочь никак не может контролировать магию. Опять вся стена будет влажной. Дорогая моя, наклони голову немного вправо. Прядка выбилась. Вот так, дай я ее подколю.
- Моника переживает, в такой ситуации сильный дар контролировать не так просто. Ты же помнишь, - одергивает маму отец.
- Помню. И она будет помнить.
- Иначе никак. Ты сама все понимаешь, Лелея.
- Понимаю. Мне родители в свое время говорили почти так же. И я ни о чем не жалею... теперь, - поджимает мать губы, и в глазах ее я вижу застывшие крупные слезы.
- Пора идти. Не стоит тянуть время, от этого всем тяжелее.
- Ей ещё не подкрасили лепестки цветов у подола. Пускай гости немного подождут, ничего не случится, - нажимает мать на отца.
- Случится, и ты сама это знаешь. Гжегош не зря прислал сюда своих оберисков.
- Это серьезно, отец? - смотрю я с тоской на высокий забор по соседству. За ним вроде бы другой постоянный двор. Но что толку? Даже если я украду лошадь из той гостиницы. Даже если там будет эта лошадь. Дальше-то что? Ускачу за тридевять земель? Верхом ездить я почти не умею. Скорее уж, упаду и буду валяться в ближайшей канаве. Не вариант.
- Нет, конечно же, нет, дорогая, - лжет отец, - Просто води себя при этих гостях достойно и плавно. Не нужно никуда торопиться. До кареты пойдешь рядом со мной.
- Я поняла. Шаг вправо, шаг влево приравнивается к побегу.
- Приличные девушки идут ровно. Зачем шагать куда-то в стороны? Это тебе не пойдет, да и под платьем не будет заметно. Ступай с гордо поднятой головой.
Во двор врывается черная карета в золотых бляшках, гордо скрипя рессорами. Небольшая, но такая

роскошная. Только немного похожа видом на клетку.
 На крыше сидит маленький ворон, шторы на окнах плотно задернуты. Запряжённая лошадь похожа на игрушечную, золотистая грива у нее достаёт до земли. Может, в ней приехал жених?
 Всадники во дворе приходят в движение, выстраиваются в ряд. Теперь от двери гостиницы до кареты и мышь не проскочит.
 - Госпожа Моника, вас ждут в храме.
 Мать прикрывает глаза платком. Отец белеет. Я подхожу к двери одна, гордо выпрямив спину. Другого мне не остаётся. Не прятаться же по углам?
 В коридоре меня встречают двое мужчин. Громадные ростом, ещё и глаза у них как будто бы светятся зеленым. В нос ударяет запах лесной хвои и пепла. Оба мужчины чуть склонили передо мной головы. Реверанс нужно делать? Или нет? Как бы не ошибиться. Впрочем, невеста волнуется, ей многое можно простить. Остаюсь стоять прямо. Мало ли, правильный реверанс не получится.
 - Госпожа Моника, мы рады проводить вас до вашей кареты, - тихо произносит один.
 - Господин Патрик приобрел ее специально для вас. Она очень комфортна и защищена от действия любой магии, - подхватывает второй, чуть улыбаясь.
 - Снаружи и изнутри. Вам никто не сможет навредить в ней.
 - И сами колдовать по дороге до храма тоже не сможете, - внимательно смотрит мне в глаза первый.
 - Я понимаю вас, - чуть киваю в ответ головой.
 Жених, похоже, решил подстраховаться. Карета, и вправду, клетка для мага. Что ж, значит, побег отложу немного. Или? Может быть, он сам откажется от меня? Выкину фортель и все. Прямо во время церемонии. Родителей только жалко, от Моники они такого не ожидают. Да и себя тоже жалко. Этот брак, пока что, единственный способ сохранить мою жизнь. С императором тоже шутить не стоит, если он так опасается моего дара. Вот бы найти способ продолжить мое обучение в Академии. А ещё лучше, начать его с самого начала.
 - Я рад, что вы все верно поняли, - прячет один из мужчин что-то в карман. Что именно, я не успеваю как следует разглядеть, а жаль, - Позвольте вас проводить.
 Идти своими ногами по полупустым коридором совсем не то, что ехать на руках у генерала. Вот бы он появился и спас меня от всего. Нет, не женился бы, а просто увез в дальние дали. Туда, где никто не найдет. В крупный город соседнего государства. Ещё было бы хорошо, если бы у меня там был собственный дом и сундучок золотых про запас. Большой такой сундучок.
 Широкий коридор чуть петляет, поворачивает под лестницу. Надо же, прошлой ночью я этого не заметила. Невольно озираюсь по сторонам. Вон за углом притаился мальчишка, смотрит украдкой, подмигивает. Я вспыхиваю и улыбаюсь. Нет, мне на самом деле не слишком-то стыдно за себя. Только бы отца удар не хватил, если в гостинице проговорятся. Жалко будет его. Растил девятнадцать лет приличную дочь, а тут в ее теле появилась я. Бессовестная и наглая. Мда. Боюсь, такого сюрприза никто точно не ожидал.
 Разве что? Может быть, настоящая Моника сама все так устроила? Оставила тело мне и сбежала? Возможно такое? Допустим. Но почему никто об этом не догадался?
 В глаза ударил яркий дневной свет. На секунду я как будто ослепла и до ужаса испугалась.

Глава 6

С двух сторон меня подхватили под руки.
 - Только не обратно! Не хочу возвращаться домой! - мотаю головой из стороны в сторону я.
 - Обратно вас никто и не повезет, госпожа Моника, - бархатно произносит один из оберисков. Кстати, странное слово. Интересно, почему отец так назвал этих людей? Да и люди ли они? - Садитесь в карету.
 Уф. Мы просто вышли на улицу. А я испугалась, даже забавно. Оказывается, я больше боюсь вернуться обратно, чем остаться здесь. Да, на Земле мне, действительно, есть чего опасаться. И туда возвращаться не стоит.
 Фырканье коней где-то над головой, перестук копыт совсем рядом с моими собственными туфельками. Меня проводят между двух рядов всадников, словно по коридору. А я даже лиц их разглядеть не могу, потому что до ужаса боюсь оступиться на скользких камнях и запутаться в длинном подоле. Нещадно застревают между камней каблучки. Внимательно смотрю под ноги, обериски явно считают мой опущенный вниз взгляд символом покорности. Пожалуй, я пока дам им возможность в это поверить, не стану показывать свою суть, подожду. Пусть мой характер станет сюрпризом.
 Вверху слышны шепотки.
 - Мы довольны выбором нашего господина, скромная дева подарит хороших потомков, - с великой бережностью меня подсаживают в карету под локоток.
 Ну-ну, ваше мнение мне вообще не интересно. Мы видимся сегодня в первый, и надеюсь, в последний раз.
 - Я счастлива этим, - розовею я от злости щеками.
 Небольшой салон тонет в роскоши. Довольно удобное, но жесткое кресло. Вид из окна загораживает собой золотистая лошадиная попа. Хвост то и дело взлетает и машет по лобовому стеклу вместо дворников. Супер. Просто нет слов.
 Громко и тревожно взвыл рог впереди. Началась суeta, мы, кажется, трогаемся. Слышны крики мамы, она опять что-то забыла не то приколоть к моему платью, не то передать. К моему великому счастью, ее сюда не пускают. Басовитый спокойный голос отца остаётся позади, а вместе с ним и гостиница.
 Лошадь стремительно машет ногами и несётся вперёд. Кажется, мы движемся по улицам города? Мне из кареты видно мало. Кругом едет охрана на своих лошадях и все заслоняет собой.

Впереди показались деревья, густо запахло рекою и тиной. Колеса зашкряпали по жёстким камням, да и лошадь замедлила ход. Кажется, мы на мосту. Да, точно, а впереди уже лес. Интересно, как долго нам предстоит ехать? И ведь сделать я все равно ничего не могу, только внутри все больше разгорается предвкушение.

Наверное именно это чувство испытывают спортсмены в ожидании старта. Впереди меня ждет короткая битва за свободу и мой дар. Благо с девичьей честью покончено, хоть ее отстаивать уже не придется. Пусть зовут повитуху или еще кого, кто сможет подтвердить факт моего грехопадения. Вот жених и родня удивятся! Прямо вижу их восхищенные лица.

Хоть колдовать я не умею, да и сама карета не даст мне напасть на этих мужчин. Все продумали.
 Страшно стало только лишь на секунду. Чувствам не место здесь и сейчас, надо думать головой. И надеяться как всегда не на кого. Даже если предположить, что мой генерал жив - сердце чуть ёкнуло - и хотел бы мне помочь выпутаться, то я все равно не знаю, как его найти, да и времени на это нет.

Карета выкатилась на лесную поляну, поросшую белым мхом. Впереди серый храм-крепость. Высокие башни, тонкие линии каменных узоров, тяжёлые окованные железом ворота, узехонькие окна-бойницы и то, только на втором этаже. В такое оконце я ни за что не пролезу, даже с нынешней точеной фигуркой. Тут нужно худеть и худеть до состояния замороженного осеннего листика.

Жрецы встречают в балахонах длиною до пола такого же серого цвета как храм. Их лица спрятаны под капюшонами.

Похоже, что я отнюдь не первая невеста, которая мечтает сбежать с собственной свадьбы. И все здесь готово к тому, чтобы этого не допустить. Лошадка всхрапнула и напоследок ударила хвостом по стеклу, то даже не звякнуло. Похоже, что стеклу здесь тоже немного страшно.

Одна за другой на поляну выезжают другие кареты. Все они останавливаются чуть позади. Гости, суета, ворох подарков, веселье. Все это создано, чтобы подсластить горькую участь невесты. Присыпать яд сахарной пудрой. Толку-то? Никакого. Лично я сегодня замуж выходить не собираюсь, а они как хотят. Пускай сами идут под венец с Патриком Гжегошем.

Может, жреца где-нибудь там, в темном уголке храма, оглушить? Тогда у меня появится замечательный балахон. Это шанс. Да нет, вряд ли мне дадут это сделать.
 - Жених уже ждёт вас внутри, - распахивает дверь кареты обериск и крепко подхватывает меня под локоть. Озираюсь. Позади остановился экипаж родителей. Оба выходят, ловят мой взгляд, но подойти ближе уже даже не пробуют. Ну и черт с ними! Рассчитывать не на кого, кроме себя. Впрочем, когда было иначе?
 - Благодарю вас, - намеренно трепещу ресницами, сильнее опираясь на подставленную мне руку и, наконец, спускаюсь ногами на землю.
 Каблучки перецокивают по белым плитам дороги, идти здесь удобно. Ветерок дует в лицо. Внутри меня сжалась пружина, готовая выстрелить. Только бы улучшить момент и сбежать! Надо было ещё раньше в гостинице это сделать, до приезда гостей со стороны жениха. Вот я идиотка, не успела. Дала родне Моники себя одурачить.
 Двери храма распахнуты настежь. Над ними сидят в стене каменные фигурки целой огромной семьи. Красиво. С виду эти каменные изваяния даже счастливы. Но не я. Я так не хочу.
 Полумрак огромного зала. Мне навстречу, мягко улыбаясь, ступает высокий мужчина. Седые волосы забраны в длинную косу. Глаза злые, острые и смотрят нехорошо. Позади него идет молодой мужчина.

Изящный красавец с глазами цвета горного хрусталя. Он смотрит на меня спокойно и прямо, в пронзительном взгляде отражается легкая жалость ко мне и обещание заботы, он словно говорит этим взглядом, что бояться мне нечего. Его черные волосы острижены до плеч и выются крупными кольцами. Прочь, упоительное наваждение! Не заманишь.
 - Цветок пустоши, госпожа Моника, - напевно произносит старший Гжегош. Без сомнения, это он идёт ко мне первым. У дальней стены храма, там, где стоит огромный алтарь, прокашлялся под балахоном жрец. Кстати, интересно, а зачем здесь таких размеров алтарь?! Что они на нем собираются делать?
 - Ступай в храм, если тебе нечего скрывать, - обращается ко мне жрец, и я несмело переношу через порог ногу.
 Весь пол старинного храма тут же покрывается клубами черного дыма. Тесть мрачнеет лицом, жених вскидывает вверх бровь, позади кричит мама. Кажется, случилось что-то не то. Ясность вносит отец.
 - Порчена.
 - Безо всяких сомнений! - улыбаюсь я дерзко, глядя прямо в глаза жениху.

- Как посмела?! – опешил мой потенциальный тесть.

Глава 8

Доморощенный инквизитор сменил дрель на перфоратор. Тыгыдым-тыгыдым - грохочет над ухом, ещё и стенка дрожит. Так дело пойдет, весь дом будет в трещинах. Сходить, что ли, постучать ему в дверь? Так ведь не поможет, опять не откроет. Скажет, что никого дома нет. Шутник. Надо же быть таким хамом.
Кровать подпрыгнула и ударила подушкой в живот. Сосед там что, метро для мышей строит прямо в стене между нашими квартирами?
В щеку прилетела салфетка. Ее со стола сдуло попутным сквозняком? Не открывая глаз, провела рукой по коже. Это листик сочно хрустнул под пальцами. Я мгновенно вспомнила все, открыла глаза и села.
- Госпожа Моника - наша хозяйка - очнулась! - гаркнули радостно снаружи кареты. Да, безусловно, это - карета! Только уже другая, не та, в которой я ехала к храму. Больше, проще, да и оконца поменьше, зато все распахнуты настежь. Отсюда и листик.
- Хвала богине! - откликнулось мужское многоголосье. Сколько их там? Как говорится, больше трёх это – много. Человек двадцать, судя по возгласам, и все они обериски. Что это значит, я пока не поняла.
Огляделась по сторонам. Черный салон кареты обит гладкой кожей, на мне теперь точно такого же цвета платье. Видимо, матери удалось перекрасить драгоценную ткань подвенечного наряда при помощи своего дара. Не переодевали же меня? Нет. Узор один в один как на том самом, белом. Только теперь вышивка стала серебристой, хотя была голубой. Жаль, но так тоже красиво. И подвязки чулок все так же впиваются в ноги.
За окном опять ничего не видно, обериски взяли карету в кольцо. Кругом переливаются черные лошадиные шкуры, да блестят стремяна и ножны мечей. Нет смысла вглядываться в дорогу, все равно ничего не увижу. В каком направлении мы едем, тоже не ясно. Полоска розовеющего неба впереди ни о чем мне не говорит.
Корона, мое свадебное украшение, нещадно колет голову шипами заколок. Снять бы ее, но не стану. Меня охрана не тронет, наверняка побоятся навлечь на себя гнев Гжегошей. А вот украшения? Кто их знает, наверное, могут и стащить. Сумочки нет, спрятать камни мне некуда. Я же надеюсь продать украшения со временем, если удастся. Деньги лишними не бывают, тем более, в моем положении. Да и в любом случае эти драгоценные камешки мне пригодятся.
Как смогла, попыталась поправить руками прическу, ничего толком, конечно, не вышло. Прядки выбиваются, падают на лицо, сквозь них ничего не видно.
Удивительно много у меня теперь волос на голове. Длинные, тонкие, это так странно. В них путаются пальцы и кольца. А ещё эти золотистые пряди выются и на ощупь нежнее всякого шелка.
Так почему бы мне их не распустить? Хочу насладиться той красотой, о которой я даже и не мечтала. Раньше у меня были черные жёсткие волосы, ни в одну прическу такие было не уложить, приходилось коротко стричься. И ходила я вечно ёжиком или кудлатой собачкой, которая попала в небольшой ураган.
Вытащила из прически все заколки, с такой осторожностью закалывала мне их мама. Даже стрекозу нашла, ту самую, которую починил мой отец. Странно, но я привязалась к этим людям. Теперь понимаю, они просто не могли поступить по-другому. Я была их единственным шансом сохранить доброе имя целого рода. И они этим шансом воспользовались. Жаль, конечно, что все именно так сложилось. Но кто знает, что было бы, если бы отец Моники предложил дочери другой выход? Может быть, я бы и не попала сюда.
Уверена, молодая магичка не хотела смириться с той судьбой, которую сочинили ей родители. Не хотела бросать Академию, расставаться с даром, уезжать к Гжегошам.
Наверняка она потому и освободила свое тело, будто старую комнату.
Как такое стало возможным, не знаю. И почему никто об этом не догадался, я тоже не поняла. Моника была близка с родителями. Я совершенно другая, чем она. И все же подлог оказался никем не замечен. Повезло. Вот только что станет делать настоящая Моника дальше?
Если она смогла заманить меня в свое тело, то значит, может и выгнать? Ведь если подумать, дар я ей сохранила, поместье с наделом земли приобрела, Гжегош старший

проникся ко мне уважением. С Патриком, я думаю, тоже можно будет договориться о будущем. Неразрешимых проблем как будто бы не осталось, если не считать обучения в Академии. С ней договор родители уже разорвали.
 Что если настоящая Моника действительно может и хочет вернуться?! И где тогда то мое тело? В чьих оно руках? Или я просто должна буду уйти из ее тела в никуда, стать привидением бестелесным, может быть, даже погибнуть совсем?
 Нет уж, с таким поворотом судьбы я не согласна. Буду цепляться за эту жизнь и это тело всеми силами. Книги бы раздобыть, почитать про переселение душ. Интересно, оно здесь считается законным? Думаю, нет.
 Раскинула волосы по плечам, вышло, наверное, очень красиво. Вплела обратно корону из драгоценных камней. Вроде не падает.
 Рядом с моими туфельками на полу качнулась и почти покатилась круглая корзина. Успела поймать ее за деревянную ручку и, конечно же, поставила на сиденье.
 В нос прокрался запах лесного ландыша. Похоже, что припасы в дорогу собрала мне моя мать, это ее духи так пахнут. Расстегнула тугую пряжку и начала вытаскивать содержимое.
 Небольшое зеркальце, завернутое в лоскут вышитой ткани. Синий бархат приятно лег в пальцы, птицы с лёгким укором смотрят на меня с узора. Распускают крылья, нахохливаются на ветках цветущего дерева, прячут головы под яркие крылья. Стежки вышивки перемещаются по ткани сами собой, яркие камушки птичьих глаз то и дело закрываются искусной строчкой, стоит только птичке моргнуть. Удивительное волшебство, потрясающее. Такую вещицу не хочется выпускать из рук.
 Следующей оказалась стопка носовых платочков с вышитой в уголке монограммой. Красиво, но почти бесполезно.
 Затем я вынула баночки с румянами, крем для лица и для рук, полотенце, нюхательную соль. Ни воды, ни печенья, ни записки. Ничего полезного, кроме разве что зеркальца.
 Я вновь взяла его в руки, бережно развернула ткань и решила на себя взглянуть. Огромные голубые глаза смотрят прямо, испуганно и в то же время дерзко. Волосы гладкой волной растеклись по спине и плечам, ярко сверкает камнями корона из драгоценных цветов. Видел бы меня сейчас мой генерал!
 Чужая жена, бледная после обморока, в черном платье. И везут меня под охраной неизвестно куда. Впрочем, какое ему до меня дело, если уж быть честной.
 Мимолётное свидание, случайная исполненная искренней страсти ночь, обещания, которые никто не собирался исполнять. Нужно просто помнить о том, как нам было хорошо в те часы наедине, что мы похитили у судьбы. И быть благодарной ему. Ведь генерал, наша упоительная связь... это он меня спас от потери магии. Даже в замке меня никто не запер, побоялись.
 Щёчки в отражении покраснели, заблестели глаза, сразу стало понятно, о чем именно я вспомнила. Ещё и шаловливый язычок будто бы сам собой, соблазнительно прошелся по верхней губе. Надо же иметь такое выразительное кукольное личико. Ни одной эмоции не скроешь.
 Карета плавно замедлилась и остановилась. Грохнули о землю мужские сапоги. Вот и чья-то ладонь ложится на ручку дверцы.
 - Мы прибыли?
 - Госпожа, это всего лишь остановка в императорских охотничьих угодьях. Здесь мы расположимся на ночь, чтобы вы могли отдохнуть.
 Надеюсь, меня не прибудут! Это было бы очень обидно. И не... С такой внешностью нужно быть особенно осторожной. Иначе я рискую оправдать все самые смелые подозрения своего мужа. Кстати, не забыть бы, что у меня снова есть законный супруг.

Глава 7

Гжегош старший не растерялся, нужно отдать ему должное. Достойный соперник. Ничего, по крайней мере, я понимаю, с кем придется иметь сейчас дело. Главное теперь, не упустить момент, пока моя родня не вернулась в сознание. Мать жалобно плачет где-то далеко позади. Отец сыплет бранью на пороге чужого святилища. Я и отродье медузы, и продажная девка, и позор всего рода. Его слова не трогают душу, отскакивают как камни от твердого панциря. Торгаш. Дочь свою выставил на торги. Хотел бы, нашел бы способ уберечь Монику от такой участи.

Жених смущён и отводит от меня взгляд. Такой красавец, благородный и чистый, как осколок горного хрусталя. Пожалуй, его мне немного жалко, но только нисколько не стыдно ни перед ним, ни перед кем-то еще.

Я стою прямо, гордо выпрямив спину, смотрю в ледяные глаза старшего Гжегоша.

- Прикажите закрыть двери храма, - зловеще говорит он, растягивая слова. Ждёт, что я испугаюсь. Ошибся, я, наоборот, ухмыльнулась, - Сюда пускай приведут родителей нашей прекрасной невесты.

- Закон не велит. Двери святилища всегда должны быть открыты для всех, кто желает ступить под очи богов, - начинает возражать жрец.

- Закон здесь - моя воля. Напомнить, кто содержит вашу обитель, равно как и все остальные?

- Порой тайна позволяет сохранить благодетель. Лучше иметь мертвую невесту, чем порочную жену, - кланяется Гжегошу жрец. Они что, решили меня убить? Собственная магия волной накатывает в мои руки, острыми иглами пронзает кончики пальцев, поднимается выше в запястья. Гжегош молчит, только смотрит внимательно на то, как меняют цвет мои пальцы, становясь фарфорово бледными. Как леденеют цветы, стоящие рядом со мной. Язычки свечей и те замирают, перестают метаться испуганно на фитильках. Главный жрец спиной отступает к каменному алтарю. Остальных служителей странного культа и вовсе не видно.

Отец подходит ко мне, - Как же ты посмела? - Пристально смотрит в глаза, пытается пристыдить. Вот он меня не боится. И напрасно. За свою жизнь я буду бороться, наплевав на все остальное. Не я первая начала.

- С огромным удовольствием, папа, - улыбаюсь в ответ ему я. Старший Гжегош выразительно хмыкает.

- Ты обманул меня, дорогой сват, когда говорил, что твоя дочь невинный хрупкий бутон, безропотный и тихий, как лесной ландыш.

- Она... - Тише. Я вижу перед собой прекрасную розу, которой никто не мешал распуститься в полную силу, - улыбается холодно Гжегош, - Острые шипы дара, удивительной нежности красота, характер, какой редко встретишь у аристократки, - я вскидываю бровь вверх, интересно, к чему он ведёт, - Жаль, конечно, что моему сыну не достанется ее дара. Невеста испробована до свадьбы, дар теперь у нее не отнимешь. Это действительно обидно. Но Император об этом никогда не узнает. Зачем ему влезать в семейные дразги двух великих и древних родов? Да, дорогая? Умная девочка, как только решилась? - качает головой он.

- Наша дочь! - продолжает рыдать уже в голос моя мать, - Наша Моника, она! Никогда бы! Необходимо созвать ковен магов. Уверена, это было насилие! Кто посмел?

- Мой сын и посмел. Да, Патрик? Ты за этим отлучался вчера из замка? Поторопился, а теперь всю жизнь будешь жалеть.

- Отец! Я никогда не смел ослушаться вашей воли. Вчера я был на охоте, хотел изумить дорогую супругу и добыть для нее..., - грохочет красавец жених.

- Лгать некрасиво. Тебе остаётся прикрыть своим именем этот безусловный позор. Лет через десять, когда войдут в силу ваши с Моникой дети, никто и не вспомнит об этом досадном случае. Твоя жена сохранит и свой дар, и жизнь. Ну а ты? Что ж, так тоже бывает.

- Я не собираюсь выходить замуж!

- Хочешь набить себе цену, милая? Не выйдет. Ты оказалась чертовски умна. И мы оба понимаем, что только через брак с моим сыном ты сможешь теперь сохранить себе жизнь, дорогая.

- Отец! Порченная жена может нести во чреве отпрыска другого. Даже неизвестно, кем был тот мужчина! И сколько их было? Быть может...

- Мы отошлем твою жену в наше старое поместье. В то, что стоит посреди чащи Серединных земель. Людей там

нет, даже попытаться сбежать она оттуда не сможет. Остепенится. Через время ты наведишь ее вместе с лекарем. И если чрево твоей жены окажется пусто, что ж, посадишь в него свое семя. Пока же прояви благоразумие. Другой такой не найти. Ты со временем получишь сильных детей в обмен на жаркие ночи.

- Я согласен, отец, - поджав губы, Патрик склоняет голову перед отцом. Щеки его залиты багровой краской. На секунду мне снова становится его жаль. И все же в первую очередь нужно думать о себе.

- Поместье? - спрашиваю я у потенциального тестя. Из храма так просто не выбраться. Так что же лучше? Согласиться или попытаться сбежать прямо сейчас. Но куда? Хоть бы кто дорогу до ближайшей границы показал.

- Мой тебе подарок, доченька, к свадьбе, - кивает головой Гжегош, - Старинный особняк и надел земли. Огромный. Все что видно из башенки над оранжереей, все принадлежать будет тебе. Какая там мебель! Ее исполнили эльфы! А стены - ни один нечистый не пройдет. Это поместье принадлежало в девичестве моей покойной супруге. Она была ведьмой. Зачаровано на славу. Весь сад полон цветов, таких же прекрасных как ты, дорогая. Огромный сад, хрустальное озеро, речушка.

- Я согласна. Поместье мне пока ещё никто не дарил.

- Вот и чудесно. Откройте двери храма, я сам извиняюсь перед гостями за небольшое недоразумение. Мой сын слишком молод и так горяч! Не досмотрел за ним. В том, что произошло, вина дома Гжегошей и ничья больше. Госпожа Моника не смогла устоять.

- Да уж. Что тут сделаешь. Наша дочь просто не смогла дать отпор. Воспитана в добродетели, вот он и... Взял против воли до срока. Поторопился. Патрик, тебе должно быть стыдно перед всеми нами, - прочитал отповедь папа. Жених побелел, я невольно округлила глаза, старший Гжегош нехорошо на него посмотрел, и только жрец опустил свой капюшон ниже. Мне показалось, из-под него донеслось покашливание или сдержанный смех.

- Очень стыдно. Хорошо, что ты нашел в себе волю и сознался, - поджала губы мать, - Дорогая, я сменю цвет твоего платья на черный. Он более уместен в наших обстоятельствах. Могла бы мне все рассказать сразу. Теперь ясно, почему было порвано твое дорожное платье. И почему служанки нашли твой пеньюар в мужских комнатах на втором этаже трактира.

- Богиня, - прикрыл ладонью лицо мой будущий муж.

Жрецы распахнули двери храма, внутрь сразу же хлынула толпа гостей. Ахи, охи, косые взгляды на меня и родителей, шепотки и громкое возмущение. Отец багровеет, мать прикрывает лицо платком.

Старший Гжегош выступает навстречу гостям.

- Мой сын поторопил коня своих желаний. Сам себя наказал. В том только моя вина, вина дома Гжегошей. Невеста была опорочена против своей воли, - Патрик закрыл глаза. Багровый цвет щек сменился иссиня-белым. Никогда такого не видела, - Госпожа Моника кричала. Это слышал слуги злосчастной гостиницы, - вот теперь мой черед багроветь.

- Надо было лучше следить за паршивцем! -громко воскликнет мой отец.

- Приступим к обряду, - строго произносит жрец, и голоса в храме стихают. Ярко разгораются свечи. По бокам от меня возникают две фигуры жрецов, подхватывают под руки, будто боятся, что я могу здесь упасть. Жених встаёт чуть впереди. Идёт к алтарю первым. На холодный камень опускаются его смуглые пальцы. Рядом жрец кладет мою белую и такую тонкую руку. Хищно сияет раскрытой пастью родовое кольцо генерала. Оно здесь кажется совсем не уместным. Как же я не догадалась снять его, спрятать получше?

Жрец начинает читать молитву, моя ладонь будто вклеилась в камень огромного серого алтаря. Кольцо начало нагреваться. Крупные белые хлопья сыплются на нас двоих с потолка.

- Благословение богов! - восхищённо шепчут женские голоса кругом. Стоящие по сторонам гости замерли и смотрят на потолок, и я тоже смотрю. Моему мизинчику под извитым кольцом становится жарко. Пытаюсь его остудить магией своего дара.

Внезапно потолок пронзают золотистые струны, будто лучи, образуя вокруг нас с будущим мужем красивую клетку. Свечение меркнет так же внезапно, как появилось. Струны рассеиваются сизой дымкой. Зато из щели каменного алтаря выползает гадюка, переливается кольцами. Жар в мизинце становится терпеть почти не возможно. Моей магии не хватает, чтобы его затушить. Змея разевает пасть, щелкает в воздухе зубами и оплетает наши с женихом руки.

- Муж

и жена, - слышу я на задворках сознания. Кажется, падаю. Падаю в теплые сильные руки и шепчу невольно.
 - Генерал...
 - Пока только колонель.
 - Отнеси ее в карету и возвращайся. Обериски помнят дорогу ещё с тех времён. Проследят.

Глава 9

Над нашими головами горят чужие мне звёзды, их удивительно много, мелкие рассыпались пушистой дымкой в небе. Совсем тёплый ветерок ласкает кожу. В отдалении пасутся наши лошади, в окружающей темноте их не видно. Зато доносится громкое фырчание, кони хрустят сочной зелёной травой, переступают ногами, даже здесь, у костров, их хорошо слышно.
Огонь почти бездымный, непривычный и странный. Я спросила у одного из воинов, почему дымок не щиплет глаза. Оказалось, дрова нарубили особенные, дубовые, чтобы идущий от них дым был ласков и нежен, не щипал глаз юной хозяйки, и чтобы огонь горел ярче, разгонял темноту. Заботятся обо мне. Жаль, что не от чистого сердца. И глаз с меня не спускают, везде идут следом за мной.

Вот и сейчас ко мне направился смуглый воин. Ступает едва слышно, словно охотник крадётся к добыче.
- Госпожа, отойдите в сторону, могут полететь искры, - указал мне рукой обериск на карету и замер невдалеке. Стройный, сильный, руку с меча не снимает, весь напряжен. На его лицо пламя роняет причудливые смутные тени.
Несколько парней несут к костру огромный котел, под него ставят тяжёлые коварные опоры. Пламя костра мечется, будто загнанный в клетку зверь, то разгораясь сильнее, то опадая на угли. Все кругом увлечены опасной, но приятной работой. Напрягаются под одеждой упругие мышцы, плащи давно сброшены, ступают, громко хлопая голенищами сапог. Бодро звучат голоса.

Мы здесь одни, я и эти смелые воины, кругом стоит лес плотной стеной. Охотничьи уголья императора вряд ли находятся далеко от столицы. Хотя, конечно, как знать?
- Все же дымно, кажется, меня мутит, - пробую почву я. Обериски уже знают, невеста была опорочена до обряда. Гжегош и им сообщил, что во всем якобы виноват Патрик.
Стоящий рядом со мной парень задумался, как будто собрался что-то сказать, дернулся, как от пощёчины, и почему-то попятился.
- Госпожа! Прикажете вызвать лекаря? Шале императора совсем близко. Думаю, там мы найдем помощь, - склоняет голову он, уже готовый броситься к лошадям.
- Нет. Я отдохну в карете, пока вы готовите ужин. Наверное, это со мной от голода и дыма.
- Должно быть так, - недоверчиво сказал он и оглянулся на других оберисков. Но те далеко, поднимают котел на опоры, грохочут. Им сейчас точно не до нас.
- И все же, мы далеко уехали от столицы? Мало ли, мне станет хуже в пути.
- Мы в двух днях пути от столицы, хозяйка. Уже на границе Серединных земель, - мужчина задумчиво потер подбородок, - Это если верхом. В карете будет значительно дольше.
- Вот как? Вы точно уверены?
- По ту сторону от холмов ферранцы, - махнул он рукой куда-то направо, - левее роэльцы. С роэльцами мы воюем. До их столицы было бы ближе всего добраться, и лекарским делом они владеют отлично.
- А ферранцы? У них есть лекари? - пальцы я опустила на живот и перебрала, словно невзначай, тесемки корсета. Парень ещё больше напрягся, вытянулся в струну и, кажется, вот-вот сорвётся седлать лошадей.
- Но ферранцы, в отличие от всех нормальных людей, не признают магии. Туда нам с вами ехать опасно, сожгут меня ещё как колдуна. И вас отдадут на растерзание птицам как ведьму. Да и лекари у них только травками с плесенью потчуют. Живого человека, говорят, могут разрезать и обратно зашить. Но вам это знать ни к чему, все равно мы туда не поедem. Никто из нас, оберисков, не вправе рисковать жизнью хозяйки.
- Выходит, ближе всего роэльцы?
- Именно так. Серединные земли потому так и называются, что зажаты между трёх великих империй. Они как бы ничейные.
- Странно, что никто их так к рукам и не прибрал, эти земли, я имею в виду, - обериск как-то странно на меня посмотрел, хмыкнул, будто бы я пошутила.
- Ведьмин край. Мужчины там в одиночку находиться опасно. Да и не только им. Потому вас в эти места и сослали. То есть дали возможность уединиться. Чужакам туда хода нет. Наш хозяин сможет спокойно спать и не беспокоится о вашем благонаравии, - судя по тону, парень не согласен с решением

Гжегошей сослать меня именно в это край.
 - Прилягу, пожалуй, в карете. Жаль, со мной не отправили служанок.
 - Я сожалею вместе свами, хозяйка. Но Ведьмин край – особое место. Девицам без дара тут долго не ...
 - Нужно ослабить корсет, самой это так тяжело сделать. Раньше всегда мне помогали, - вопросительно я смотрю на мужчину. Воин смущён, щеки чуть покраснели. Хозяйке он отказать в просьбе, касающейся здоровья, не смеет, но и помочь тоже не может.
 - Госпожа Моника, - по слогам произносит он мое имя.
 - Ты к карете близко не подходи. Я попробую сама справиться, если что, позову. Просто... окна, их никак не закрыть.
 - Хорошо. То есть, как прикажете.
 Я внимательно прислушиваюсь, незаметно считаю фигуры у костра. Пятеро оберисков ушли смотреть за лошадьми, одного оставили приглядывать за мной, остальные у костра. Самое время, чтобы сбежать к роэльцам. А там, на границе, чем черт не шутит, может быть, встречу генерала. Советом он мне точно поможет, а нет, так нет. Мир большой и место для меня где-нибудь да найдется.
 Тихо открыла дверцу, забралась почти неслышно внутрь кожаного салона. Здесь тепло и чуточку пахнет духами. В это неудобном платье мне точно далеко не сбежать.
 Задрала к ушам юбку, нащупала шнуровку. Вот она точно здесь сейчас лишняя. Еле подцепила пальцами узелок. Интересно, как себе представляла мама мою первую брачную ночь? Муж бы только к утру покончил со всеми этими бантиками и застёжками. Сбросила с себя неудобный корсет, сразу стало легче дышать, будто бы сняла тяжёлую гирю, а не невесомый предмет женского гардероба. Уф! Теперь юбка. Нижняя довольно плотная, верхняя со шлейфом. Ну ее к черту! Останусь в одной. Задуманная шалость не удалась. Служанки подшили поясик нижней юбки к лифу. Я и не заметила, когда они успели это сделать. Ну так, значит, так, ножа все равно у меня нет. Надеюсь, в этом лесу не водятся дикие звери.
 - Хозяйка, с вами все хорошо? - раздался знакомый голос обериска за дверцей. Я и не слышала, как он подошёл. Поэтому мой голос зазвучал вполне натурально испуганно, даже притворяться не пришлось.
 - Я не одета! Мне уже легче. Но я все же посплю.
 - Прошу извинить меня, госпожа. С вашего позволения я отойду подальше, чтобы не смущать.
 - Конечно, - удача мне благоволит, и не стоит этим пренебрегать. Ветер, с которым приносит удачу, весьма переменчив.
 Выскользнула из платья, осталась в одном нижнем белье. Короткие панталончики, чулки и сорочка. Если не особо присматриваться, то на кофточку она очень похожа. Все же отодрала от платья нижнюю юбку, надела ее на себя и накинула на плечи кружевной плед, который лежал на сидении. Теперь он – моя чудесная шаль. Подумала и сняла с себя все украшения. Завернула их в несколько носовых платочков. Только кольцо генерала никак не захотело покинуть моей руки. Вроде и на пальце сидит свободно, но мне никак не удается его снять. Так, значит так. Спрятала все украшения в ту корзинку, где лежали платки. Как удачно мать мне ее с собой положила. Подумала и плотно упихала поверх все, что осталось от платья. Мало ли, пригодится. Дорогую ткань точно можно будет продать при случае. Выглянула в оконце. Ночь такая темная! Вон, чуть вдалеке, в пятнышке лунного света стоит мой соглядатай. Смотрит, как другие льют воду в котел. Упоительно пахнет жареным мясом. Без сожаления потянула за ручку противоположной двери. Не поддалась. Заперли? Боятся, что сбегу? Правильно делают. Только не учли, что без платья и всех этих дурацких оборок я гораздо стройнее.
 Осторожно выбросила в окно корзинку. Прислушалась. Шагов вроде не слышно. Теперь сама. Грудь у меня небольшая, не то, что раньше, в той жизни. Размер второй, не больше, значит, в окне не застрянет. Бедро тоже довольно узкие. Сплошное теловычитание, а не женские формы.
 Пролезла верхней частью в окно, извернулась, пропихнула одну ногу, почти достала до подножки. Ещё чуть-чуть. И вот я уже почти целиком стою снаружи. Осталось вытащить вторую ногу. На одной далеко не удрать. Уцепилась пальцами за финтифлюшки на крыше, кое-как подтянулась. Почти упала на землю и все же удержалась на узкой подножке.
 Шагов оберисков вроде не слышно. Спустилась вниз, подобрала корзинку. Впереди черный лес, ни тропки, ни дороги, ничего не видно.

Это, конечно, хорошо, на лошадях меня догнать не смогут, но только страшно идти вперёд. И все же... Я ведь магичка. Как-нибудь справлюсь. Свободу свою я точно никому не отдам.

Мягко пружинит мох под ногами. Кусты передо мной расступились, лес за ними оказался почти прозрачным. И он весь усыпан мелкими голубыми цветами, те немного светятся в темноте. Пахнет корицей и чуточку медом, как будто кто-то невидимый испёк рождественский торт. Над головой сильно хлопнули крылья, взлетела дикая птица. Я прислушалась, шагов за мной точно нет. Подобрала юбку, чуть удобнее перехватила корзину. Теперь нужно как можно быстрее идти вперёд.
Под ногами мелькнул гладкий ствол поваленного деревца, может, даже не ствол? Скорее, столб от калитки. И за ним как будто обозначилась серой тенью тропинка. Точно. В ряд выложены широкие тесанные камни. Раз есть дорога, значит, она точно куда-нибудь меня приведёт. Да и идти по камням гораздо быстрее. Каблуки моих свадебных туфель на них так не скользят.
Обернулась на шорох. Нет, никто за мной не идет и не прячется за стволами, это пробежал мелкий зверек наискосок тропинки.
Ветерок принес свежесть и прохладу. Кусты по бокам тропинки стали как будто гуще и засветились ярко-синими огоньками. Те перелетают с куста на куст, мельтешат.
Отодвинула от лица ветку и почти вскрикнула. На ней сидит человечек в мягкой куртке. Размером он с коробок спичек, не больше. За спиной светятся синим крылья, в руке он держит за веревочку небольшое ведерко из ореховой скорлупы. Второй рукой пытается упихать в скорлупку комок жёлтой пылицы. Увидел меня.
- Не отдам!
- Я и не претендую, - опешила я.
- Нечисти верить - последнее дело!
- Я не нечисть, - мужчина сморщился и повел своим крохотным курносим носиком, - Я магичка!
- Ты - нечисть! Или кто? Не ведаю, - упер он в меня указательный палец. Ведерко выпало из его руки и застучало по веткам.
- Помочь?
- Изыди! То есть, иди, куда шла! Отсюда подальше желательно! - замельтешили следом за ведром синие крылья.
Кого только не встретишь в этом мире. И это я еще ничего, по сути, не видела.
Впереди заблестела гладь серебристого озера. Вот куда ведет эта тропка! Я еще ускорила шаг. Плавать я отлично умею. Разденусь догола, одежду упихаю в корзинку, поставлю ее себе на грудь. Берсерки увидят, что следы их дорогой хозяйки оборвались у воды и наверняка решат, что я утонула. Успеть бы все провернуть! Только бы берег лесного озера был не заболочен. Почти бегу по тропе.
На берегу сверкнули огоньками чьи-то глаза. Наплевать. Зверь первым не нападает, людей я тем более не боюсь. Волшебства не бывает, в лесу монстры не водятся. Знакомые по детству аксиомы дали сбой. Если волшебство существует, то и монстры, выходит, тоже?
- Поймаю, шапку сделаю! - прошипела я от испуга неизвестному. Назад у меня пути нет. Значит, расступитесь те, кто впереди.

Глава 10

Между редкими стволами серебристых деревьев прямо у меня на пути замер огромный зверь. Он похож на ростовую куклу медведя, какие раздают рекламки перед метро. Шкура белоснежная, пушистая с виду. Мне бы остановиться, броситься в другую сторону, но уже поздно. Разогналась сильно, да и склон слишком крутой. По краям тропинки плотной стеной выстроились деревья.
Нет, свернуть никак не получится. Видимо, для меня попасть в лапы дикого зверя лучше, чем попасть в руки супруга. Смешно... Или страшно? Не знаю. Но отступить поздно. Драться с таким бессмысленно, значит, есть смысл попытаться его напугать.
- Всегда мечтала о шубе из песка! Это куда лучше, чем шапка!
- В сторону! Хозяйка! - кричат обериски где-то далеко позади. Их голоса придали мне силы. Лес тут большой, я маленькая, затеряться есть шансы. Главное сейчас, проскочить мимо зверя.
Подлый каблук не разделил моего плана, проскользнул между каменными плитами и подломился. Туфелька осталась лежать на тропинке, я вытянула руки и полетела прямо в объятия мехового чудовища. От ужаса перехватило дыхание. Нет, так просто сожрать я себя не дам. Магия вновь хлынула под моей кожей, заструилась по пальцам. Корзинка в руке покрылась инеем.
Чудище слабо рыкнуло и начало отступать. Если он сейчас отойдет, я рухну со всего маха на камни.
- Только посмей! - Сверкнули синие зубы, ощерилась алая пасть.
По лбу зверю прилетело тяжелой корзинкой, а на живот рухнула всем своим костлявым теловычитанием я. Подвенечное платье выпало, накрыло нас подобием савана и крепко запеленало. Зверь взмахнул лапами и попытался разодрать роскошную ткань.
- Не смей! Я продать его хотела!
- У-у-у! Уку! - взвыл пароходный гудок прямо в ухо.
- Я тебе укушу! Я очень вредная! Отравишься! - сильнее забилась я в надежде выбраться из-под подола. Туша качнулась, взмахнула лапами, ткань платья сильнее затрещала, - Скотина бесполезная! Не смей! Оно дорогое!
Вместе мы грохнулись на землю и заскользили по тропке. Зверь снизу, я, сидя на нем верхом. Мягко. Еще бы зубищи перед лицом не сверкали и сыро вдруг очень стало. Точнее от меня идет холод, от зверя жар. Между нами возникает стена из пара.
- Госпожа! - кричат обериски уже куда ближе.
Почти человеческим голосом заплакал медведь. Я цепляюсь пальцами за его мех, лишь бы только не скатиться на каменистую дорогу. Сверкающая мелкими искорками шерсть остается в руках. Кажется, мы доскользили до озера и остановились. Ткань платья стремительно начала намокать. Так сейчас и потонем в этом мешке. Вот уж точно не платье, а саван. Медведь, - хотя какой это к черту медведь! Он слишком огромен и подозрительно светится! - кажется, тоже понял, что мы оба вот-вот погибнем. Обнял меня крепко-накрепко, прижал к своей горячей груди шершавыми лапищами, оцарапал запястье и ... замурчал.
- Признаю хозяйкой своей эту колдовку, призываю воду серебряного озера в свидетели, - отбил чужой голос в моей голове, - Вручаю судьбу ей свою.
- Хозяйкой?
- Теперь я твой фамильяр. Убить ты меня не сможешь.
- Я и не собиралась! - вытащила я кусок шерсти, попавшей в рот.
- Ты напала на меня. Шерсти на шубу выщипывай, сколько хочешь. Тебе много не нужно. Феи сплетут так, что от настоящего меха и не отличишь.
- Я пошутила.
Голос в голове фыркнул.
- Ну уж нет. Я и жизнь себе сохранил, и хозяйку заполучил. Теперь я твой, ведьма.
Загрохотали неподалеку знакомые до боли сапоги оберисков. Побег провалился. И чувствую, мне эта "прогулка" так просто с рук не сойдет. Доложат Гжегошам. И чем это обернется, никто не знает. Тем более, что бежала я в сторону роэльцев, с которыми развязана война. Нет, мне этого не простят. Эти могут императору доложить, и вряд ли его этот поступок магички обрадует. Нужно что-то придумать. Куда я могла уйти одна из кареты? Что им сказать? Цветочков хотела набрать? В такое даже идиот не поверит. Обериски тем более.
Сапоги замерли, послышался плеск воды, звякнул о ножны меч. Прибьют же сейчас. И спишут мою смерть на чудовище.
- Скажи им, чтоб не пачкали воду, - бурчит медведь.

- Я запуталась в платье!
 - Хозяйка жива, - неуверенно произнес голос снаружи нашего савана.
 - Кто ж ее убьет, нечисть? - фыркнул медведь, - Таких дураков мало.
 Над моей головой лязгнул нож, платье разорвалось на две половины. Стало вновь легко дышать. Пар хлынул наружу. Мимо проплыла корзина. Взгляд выцепил высокие сапоги напротив моего лица. Вода светится зеленоватыми искрами, жадно облизывает голенище, но выше щиколотки мужчине не доходит.
 - Я хотела искупаться. И вот, - мямлю я, поднимаясь. Вокруг тишина. Хоть бы кто слово сказал. Воины стоят вокруг меня плотным кольцом, опустив головы. Рук с мечей не убирают. Самый высокий безуспешно прячет за спиной лопату. Медведь не спешит шевелиться. Кое-как я села, одёрнула рукой подол нижней юбки.
 - Поздравляем с успешной охотой, наша хозяйка. Мало кому из мужчин дано справиться с ибром. Вы же одна. Мы не надеялись увидеть вас в живых... - чудовище подо мной громко чихнуло. Обериски все как один вскинули вверх мечи.
 - Отойдите в сторону, госпожа. Мы...
 - Это мой фамилляр, - я, наконец, встала на ноги, - Поймала, чтоб мне в поместье было не скучно. И потом, он мне шерсть на пряжу обещал. Полезный зверь, в хозяйстве пригодится. Пошли, чудовище. Погуляли и хватит. И вообще, я ноги промочила. Там туфельку на дороге никто не находил? Хотя толку-то от нее? Каблук все равно сломался. Кстати, я голодна. Ужин остался?
 - Полный котёл, - оторопело кивнул обериск и выронил лопату. Довольно любопытные ощущения: стоять и смотреть в лицо своему несостоявшемуся могильщику.
 - Вот и отлично, - я ухмыльнулась, выудила корзину и сунула ее в руки мужчине, - отнеси в карету, пожалуйста. Только на сиденье не ставь.
 Медведь поднялся на задние лапы, повел черным носом.
 - Пахнет едой!
 Вторую туфельку пришлось снять. Босиком идти по тропе непривычно. Обериски выразительно молчат. Чудовище шуршит лапами в стороне от дороги, то и дело тянет воздух носом. Надо бы как-то его назвать, что ли? Животных я никогда не держала. Сначала родители запрещали, потом муж.
 - Тебя как зовут? - на всякий случай решила уточнить я. Обериски от звучания моего голоса вздрогнули.
 - Вейс.
 - Прямо как овчарку. Всю жизнь мечтала о собаке.
 - Ибр куда опасней собаки, - пробасил идущий рядом со мной мужчина.
 - И ест больше. А вы испортили мое платье. Я, между прочим, хотела его продать!
 - Господин Патрик выделил на ваше содержание солидную сумму. Уверен, вы не будете нуждаться. Зверь же сам способен к охоте.
 - Вы же не расскажете об ибре моему мужу? Я бы хотела сделать ему сюрприз, - обериски переглянулись. Самый старший потер виски, явно собрался с мыслями, остановился, внимательно заглянул мне в лицо и наконец сказал.
 - Нам назначено не спускать с вас глаз ни на секунду до самого поместья. Обериски жизнью отвечают за тех, кого им назначено оберегать. Потому нас так и называют. Мы же не люди. Думаю, для всех будет лучше сохранить в тайне эту прогулку. Я не видел никакого ибра подле хозяйки. И мои братья тоже. За каретой увязалась пастушья собака.
 - Лохматая собака.
 - Кто знает, какую ворожбу может наложить на животное сильная магичка? Отужинаем и сразу отправимся дальше. Темноты, как я понял, вы не боитесь.
 - Ничуть.
 - Значит, и с нечистью сможете договориться, чтобы нас всех пропустили, - кивнул сам себе обериск и ловко подхватил меня на руки, - Вы можете поранить ноги о камни. Господин Патрик собирался вас навестить в ближайшие дни, не думаю, что он будет доволен, увидев ссадины на супруге.
 - Разве он придет так скоро?
 - Мы отправили весточку в замок, чтобы сообщить о вашем недомогании. Ваш супруг взволнован этим известием и прибудет с лекарем. Вас осмотрят со всей тщательностью.
 - Я не хочу!
 - Судьбой наследников рода нельзя пренебрегать, - горячая мужская ладонь грубо прошла по моей щиколотке, - Вы замерзли. Илирий, принеси хозяйке свой плащ! - выкрикнул он.

Глава 11

Ужин прошел в тишине. Мне просто подали латунную миску, до самого верха полную крохотных лепешек. Хрустящие, разноцветные, каждая наполнена сочной начинкой. И сразу не угадаешь, какой именно. Сладкие ягоды, сыр, грибы, зелень, сочный творог, сливочный крем. Все лепешки одинаково вкусные.
 Вот только от котла тянет жареным мясом. Кажется, на мне сэкономили. Или здесь не принято мясом кормить девушек? Принюхалась, как следует, так и есть. Обериски едят в стороне от меня что-то другое. Обидно, но не смертельно.
 Зато теперь, после моей прогулки, эти воины от меня ни на шаг не отходят. Боятся, наверное, что я ещё кого-нибудь приручу и притащу в лагерь. Пристально следят за каждым моим движением.
 Вейс расслабленно лег перед углями костерка и вытянул сразу все лапы. Огромные же они у него, а светлая шерсть так и сияет голубоватыми искорками. И зубы он очень забавно скалит во сне. Такой мягкий, совсем как плюшевая игрушка.
 Я села поблизости и запустила холодные ноги в шелковый мех его шкуры. По моим ногам теперь тоже бегут разноцветные всполохи и немного щекочат. Плечи греет бархатный плащ, он пахнет оружием и чужим мужчиной. Это чуть будоражит душу.
 Над головой сияют все ярче иномирные звезды. Только бы не упустить в этом мире свое счастье! Но, чувствую, там, куда мы едем, я точно не пропаду.
 Обериски сторожатся, близко к моему зверю ни один из них так и не подошёл.
 - Я поставил в карету полную флягу горячего морса для вас, госпожа, - поклонился мне парень и тут же исчез в темноте.
 Громче перебирают копытами их вороные кони, грубее звучат голоса. С минуты на минуту мы отправляемся в путь. Ильвас, один из этих красавцев, сушит при помощи магии мои вещи. Уверена, теперь никто из них точно не рискнет стащить мои драгоценности. Побоятся медведя.
 Через час лагерь был собран, кострище стремительно зарастало полевой травой.
 Мне бы научиться так использовать дар! Или мой магический дар другой, не приспособлен для этого? Не уверена. И спросить пока не у кого. Ничего, со временем разберусь.
 Я забралась в карету, и она медленно тронулась. Чудище увязалось следом за ней.
 Полезный зверь. С таким защитником, наверное, и от Гжегошей будет несложно отбиться. Хотя? Патрик ведь тоже маг и при том родовой. Не хотелось бы мне остаться без фамильяра. Значит, с мужем придется договариваться самой.
 Понять бы еще, чего я сама хочу от этого красавца мужчины. Не прибил бы он меня. Ему есть за что мне мстить! Одного скандала на свадьбе достаточно, я молчу про то, что ему не достались ни моя невинность, ни дар. А в их семье обиды долго не копят, если я правильно поняла своего отца. Сердце кольнуло предчувствие скорой опасности.
 Зря я солгала про дурноту. Вдруг и вправду мы с генералом ... Нет. От одного раза дети редко у кого получаются. Такого просто не может быть. А если? И вдруг об этом узнают! Тем более, что Патрик приедет сюда не один, а с лекарем. И мой муж точно уверен, что не он стал причиной того, что я потеряла невинность до свадьбы. Как же все сложно.
 Только бы я никого не носила в своем животе! Или этот замечательный факт не подтвердил бы лекарь. Я женщина умная, взрослая. Договорюсь. Драгоценные камни во все времена прекрасно действовали на врачебные навыки.
 Это раньше, там, в прошлой юности, я лгать не умела и считала своим долгом всегда говорить правду. Теперь же я в первую очередь всегда буду заботиться о себе. И о ребенке, если он завелся в моем животе. Хотя я бы этого и не хотела.
 Но, с другой стороны, если беременность лекарь не подтвердит, то муж заявит на меня свое брачное право. И это меня тоже не устраивает никак. Я хочу быть свободной и сама решать, где и с кем я буду. Что бы там старший Гжегош ни говорил. За поместье, конечно, спасибо, но войти в лоно этой семьи я пока не готова.
 Внезапно со всех сторон от дороги послышались голоса, и загорелись огни. Мы как будто бы въехали в праздничный ночной город. Только, если приглядеться, огоньки куда мельче и развешаны по ветвям толстых деревьев. Обериски сбились

в плотный строй перед повозкой. Дорога узкая, по бокам от кареты ехать нельзя, а на обочину их кони ступить не решаются.
 Я всматриваюсь в этот лес, но толком ничего рассмотреть из кареты не удаётся, а спрашивать или просить, чтобы остановили лошадь, сама я боюсь. Не хочу выдать себя.
 Вон мелькнул над высокой веткой кругленький балкон, вместо сучка на стволе дуба я вижу оконце, а там как будто бы башня? И скамейка стоит под шляпкой толстого гриба.
 Воины торопятся проскочить это место. Взмывлены спины их лошадей, да и конь, запряжённый в карету, тоже фырчит от натуги.
 Лес остался позади, впереди клубами вращается предрассветный туман. Он виснет ключьями на фигурах оберисков. Лиловые тени скал впереди выступают неторопливо, будто никак не хотят проявиться, волшебные и мерцающие в подсветке первых лучей. Самого солнца пока не видно. Окружающий мир похож на театр перед выходом примы. Все кругом замерло в предвкушении ежедневного чуда по расписанию.
 С диким грохотом карета вкатилась на холм, и тут я, наконец-то, увидела рассвет и долину. Сердце замерло от восторга и предвкушения настоящего волшебства.
 Солнце встает над кромкой низеньких сосен, ласкает лучами диковинный сад. Все вокруг, насколько хватает взгляда, заросло цветами. Яркие, всех возможных оттенков и размеров. Кривоватые деревья среди цветника увешаны и плодами, и мелкими бутонами одновременно. То тут, то там из зелени вылетают снопы мелких искорок, как будто кто-то невидимый в мою честь запускает крошечные фейерверки.
 Посреди долины сверкает черепицей каменный дом. Башня на крыше, темные рамы небольших окон, каминная труба торчит справа, собственная оранжерея прилепилась к стене с левого края.
 - Добро пожаловать домой, хозяйка! - кричат обериски. Кто-то открыл мне дверцу кареты.
 - Давайте спустимся вниз.
 - Туда?! - ахает воин, - Наши лошади переломают себе ноги на этой глине в тех ямах, - я с сомнением посмотрела на гладкую сухую дорогу.
 - Хозяин велел оставить вас здесь, хозяйка. Дальше нам пути нет. Слишком опасно для одиноких мужчин.
 - В правой части дома, если я верно вижу, крыша еще стоит. Дождитесь хозяина там. Левая половина вот-вот рухнет. Как бы не придавила вас.
 - Терн ни одна магия не возьмет. Осторожнее с шипами.
 - Где вы видите терн? - я вгляделась в долину.
 - По бокам от старой колеи. Там, где змеюки в ложбинах кишат.
 - Это кусты земляники выросли в бочажках. Здесь просто давно никто не ходил.
 - Хозяйка помешалась от горя, - шепнул кто-то позади меня.

Глава 12

Корзинка с вещами, драгоценности, рваное подвенечное платье, медведь... Это, конечно, все хорошо, но меня больше волнует, что я буду готовить себе сегодня на обед и на ужин. Уверена, в поместье наверняка что-то съедобное растет, но одними овощами я питаться не стану. И так слишком стройная. Да и овощи надо ещё как-то добыть. Не знаю, сколько лет пустовал дом, но садовые инструменты наверняка растащили. Повезет, если мебель окажется на месте. И, кстати, где ключи? Договор о передаче мне дома Гжегошем старшим обериски вложили в корзину. Ого! Это каменная табличка с вензелечком посередине, она выглядит куда более основательно, чем привычные моему взгляду бумаги.

Обериски сочувственно смотрят на мои вещи. Ну-ну. Сейчас я вытрясу из них все, чего мне не хватает!

- Помнится, кто-то из вас собирался меня хоронить?

- Хозяйка, это было ошибкой. Никому из женщин не удавалось до этого пережить схватку с ибром. Вы победили зверя голыми руками. Мы не рассчитывали...

- Думаю, мой муж очень расстроится, если узнает об этом недоумении.

- Мы же договорились! - встрепнулся старший обериск, - Вы забываете о ночной прогулке к озеру, мы забываем о звере?

- Я совершенно не помою о том, что гуляла ночью посреди леса без всякой охраны. Но отчётливо помню, что вы собирались устроить мне похороны на обочине тракта! Живьем хотели прикопать! Изуверы, - сощурила я глаза.

Обериски все как один опустили вниз лица.

- Магию защиты на поместье наложил сам хозяин. Вам не удастся вырваться даже с помощью всех нас, - по-своему понял меня старший из воинов, - Хозяин сам решит, когда вы сможете выбраться отсюда и поселиться в его замке. Не в наших силах отвезти вас в замок Гжегошей прямое сейчас, госпожа Моника. Туда мы вернемся одни. Мне жаль.

- А я, наоборот, этому рада. Лопату отдайте. От улик следует избавляться вовремя.

- Лопату? - непонимающе уставился на меня старший обериск. Красив как сам демон. И кудри эти, переливающиеся на ветру. Взволнованный взгляд, морщинка, залегшая между бровей. Античная статуя, а не мужчина.

- Лопату и все запасы провизии, какие остались.

- Вы можете пораниться лезвием лопаты, госпожа Моника. Без привычки пользоваться этим предметом опасно. И из запасов еды у нас осталось только мясо и другая неподходящая для вас пища. Будет лучше, если вы станете выдерживать пост и молиться до того времени, когда муж соизволит вас навестить. Это полезно для женского здоровья.

- Не поранюсь, можете не надеяться. Мясо - это прекрасно. Поститься я не собираюсь.

- Разве девушки благородных домов едят такую грубую пищу?

- С большим удовольствием. Крупу и муку тоже отдайте.

- Подумайте о нашем благе. Путь до замка долог, нас много. К чему вам все наши припасы? Вам будет стыдно есть их, зная, что другие голодают одни в диком лесу. Патрик вскоре навестит вас.

- В лесу полно дичи, в реках водится рыба. Вы найдёте, чем себя отвлечь от тягостных мыслей.

- Тягостных мыслей?

- Разумеется, тягостных! Вы же станете переживать о моей горькой судьбе? И о том, как я донесла все свои запасы до поместья?

- Хозяйка, но ваши белые руки не привыкли готовить еду. Только представьте, что вам придётся все это резать, раскладывать по кастрюлькам, мешать. Быть может, ваш супруг появится здесь уже сегодня.

- Не будем питать пустые надежды. Будем питать меня. Спасибо, что так заботитесь о моей судьбе. Сама я такая неприспособленная к жизни. Чуть не забыла, что припасы нужно будет чем-то нарезать. Думаю, двух-трех ваших ножей мне хватит на первое время.

- Но...

- И котелок положите тоже. Мой зверек не станет есть с пола. Ему нужна мисочка.

- Хозяйка! - предпринял последнюю попытку на меня повлиять один из парней, - Вы женщина, вам не нужно столько еды! Если мы отдадим вам все, что подумает хозяин? Вдруг вы собираетесь накрыть стол для нечисти?

- Собирались похоронить на обочине молодую жену господина. Ту, которая, возможно, несет в себе продолжение величайшего рода. Морили голодом всю дорогу. Звери и то добрее. Может быть,

Вайс направит вас на праведный путь? - я поманила пальцем свое ручное чудовище.
 - Это уже грабеж! - обериск схватился за пояс своих штанов, расстегнул пряжку, стянул небольшие ножны вместе с ножом и бросил на землю.
 - Ошибаетесь. Пока что, это всего лишь выгодная сделка. Заверните припасы, ножи, котел и огниво в подол моего подвенечного платья, вполне сойдет за мешок. Атласный шелк крепкий, думаю, не порвется. В качестве извинения за оскорбления сойдет плащ.
 - Но...
 - Вы назвали жену хозяина грабительницей? Верно? Я никого за язык не тянула. Вайс, ты потащишь подарки этих милых мужчин, которые так искренне о нас позаботились. Я, так уж и быть, понесу лопату.
 - Бессовестная! - буркнул молодой парень, снимая со своих широких плеч мой будущий плед. Понятия не имею, есть ли в доме одеяло. Спать и мерзнуть я не собираюсь уж точно. Простужусь еще, а как в этом мире обстоят дела с медициной, я пока что не поняла. И рисковать собой не хочу.
 - И беспринципная! - улыбнулась я, - С вас не убудет. У каждого к седлу приторочено по второму плащу, я сама видела, как вы их доставали.
 - Хуже умной женщины может быть только торнадо. Он точно так же забирает все, что ему приглянется и выбрасывает, наигравшись. Что людские судьбы, что ценности, - покачал головой старший из оберисков и споро начал руководить погрузкой запасов в мой мешок.
 Бросить меня хотели одну, без запасов провизии, без ножа, без огнива, без теплых вещей. Не мужчины, а так, некое подобие в брюках. И толку-то, что красивые? Никакого. Даже не жалко забрать у них все до последней крошки. Добудут себе охотой еще или купят. На крайний случай, пусть попостятся. Им тоже полезно.
 Это я охотиться не умею, и денег у меня собственных нет. Мать забрала последние монетки, сказав, что замужней даме иметь кошелек неприлично. За все должен платить супруг. Пускай торгаши с него и спрашивают оплату. Ну-ну. Лично я тут не вижу ни супруга, ни супермаркета. Только кусты вкуснейшей на вид земляники в бочажках и плодоносящий сад впереди. Ой! Мне показалось, или на противоположном склоне мелькнула чья-то фигура? Вроде парень стоит. Да, точно. Клетчатая рубашка, шляпа, похожая на ковбойскую... Вон и рукой он мне помахал. Но подойти ближе явно не собирается, наверное, опасается моей группы поддержки. Я бы на его месте тоже не подошла. Ничего, сейчас парни уедут, и сосед наверняка заглянет ко мне в гости. Видимо, тут где-то неподалеку есть селение. Вот повезло! Странно только, что Гжегош об этом ничего не знает. Впрочем, не удивительно, в этих краях он не был давно.
 В мешок полетели свертки из седельных сумок мужчин. Колбасы свиты кольцами, копченое мясо затянута в тугую сетку бечёвок, сыр укупoren воском. Интересно, а что они положили в горшочки? И где крупа? А мука? Наверное, зашита вон в те мешочки. Хрустальный флакончик масла золотыми боками играет на солнце.
 - Запасливая, - восхищенно выдохнул Вайс и носом подкатил в мешок чью-то сумку, возражать зверю никто не посмел.
 Я подхватила в руку корзинку, перекинула лопату через плечо. Вайс ухватил края платья в зубы, рыкнул на оберисков и засеменил к дому с этим, туго набитым, импровизированным мешком.
 - Чтоб тебе, ведьма.
 - Счастливого пути, ребята. Я передам мужу слова благодарности для каждого из вас лично. Вот он удивится тому, как щедро вы меня одарили! Кстати, интересно, за что? Или это от чистого сердца? Хм. Не уверена, что он в это поверит, - я широко улыбнулась и, наконец-то, начала спускаться к своему новому дому.
 Из травы вылетают золотые фазаны, под кустами пышных пионов стоят вертикально сурки или какие-то похожие звери. То и дело на глаза попадают плотненькие небольшие боровики. Жаль, что их не во что собирать. Дойду до дома и поищу корзинку. Или положить парочку поверх моих вещей? Испачкают. Разве что снять вышитую тряпочку с зеркала и осторожно застелить ею все остальное. Нет, смешно, конечно, собирать грибы в корзинку, полную драгоценностей, но и устоять я не могу.
 - Вайс, подожди! - крикнула я медведю, тот остановился. Корзинку поставила на обочину, вытащила оттуда сверток с зеркалом. Красивая же вышивка! Интересно, мама ее сама чаровала? Птички как будто живые, и так интересно переползают стежки. Развернула ткань и отпрянула от зеркальной поверхности, чуть не выронила его из рук. Зеркало что, испортилось? Почему

вместо синего неба в нем отражается хмарь? И листья цветущего пиона похожи на скукоженные осенние ветки. Не поняла? А куст земляники? В зеркале отразился выводок змей. Фу! Я даже привстала. Что же здесь правда? То, что я вижу сама своими глазами, или то, что показывает зеркало?
Обериск ведь тоже сказал, что на дороге кишмя кишат змеи, по обочинам растет терн, и дом якобы почти обвалился. Зря я ему не поверила?
Направила зеркальце на Вейса. Я же знаю, как ибр выглядит на самом деле! В отражении вместо огромного зверя показалась облезлая тощая псина. Выходит, здесь везде морок? А как тогда выгляжу я? Развернула зеркальце к своему личику. Ну хоть тут все без изменений. Тонкие черты кукольного лица, светлые волосы. Хороша! И свободна.
- Догадалась? - улыбнулся во все зубы Вейс.
- Морок наложен в качестве надежной защиты?
- Здесь всегда жили ведьмы, и они не очень любили "человеков" в качестве гостей.
- А кого любили?
- Многих других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.